

ЖИВЫМ НЕ БРАТЬ

Пролог

— И в заключение передаем сводку криминальных новостей, — миловидная дикторша на экране сменилась серьёзным на вид мужиком.

— Добрый вечер, дорогие телезрители! — хорошо поставленным голосом произнес тот. — К сожалению, не могу сказать, что этот вечер был для всех нас одинаково добрым...

На экране сменилась картинка — камера показала полуосвещённую улицу. На ней были видны несколько автомобилей. Рядом с полицейской машиной возвышался характерный фургон «помогальников» (так окрестили в народе вспомогательный корпус сил поддержки правопорядка).

Деловито сновавшие повсюду полицейские, казалось, совсем не обращают внимания на угловатые, закованные в сверхсовременную броню, безмолвные фигуры. Да, по правде говоря, они и впрямь были безмолвными. Я ни разу не мог вспомнить, чтобы они с кем-то общались. Русского языка они, похоже, не знали, во всяком случае — не разговаривали. А на все вопросы отвечали однообразно — вызывали условным сигналом по рации переводчика из местных, и он, как говорящая голова, отвечал за всех. А «помогальники» молча возвышались за его спиной, недвусмысленно покачивая стволами стрелково-гранатометных комплексов. Они почти никогда не вмешивались в действия полиции, но присутствовали практически всегда — их светло-серые фургоны можно было встретить абсолютно в любом месте.

Вот и сейчас они стояли по периметру площадки и, по-хоже, совсем не интересовались происходящим.

А полицейские деловито переворачивали тела, что-то подбирали с земли и фотографировали. Собирали оружие и, подойдя к большому ящику, картинно бросали туда калаша и пистолеты.

— ...Благодаря слаженным действиям полиции и сил вспомогательного корпуса, была пресечена очередная выходка криминалитета. Бандиты собирались совершить нападение на склад, принадлежащий компании господина Аكوпова...

На экране мелькнула вывеска, а по низу экрана ненавязчиво пробежала строка рекламы.

— Однако эта их попытка не привела к успеху. Прибывшим вовремя нарядом полиции было предложено нападавшим сложить оружие и прекратить противоправные действия. Они отказались и открыли огонь. Бандитам удалось легко ранить двоих полицейских...

Камера крупным планом показала врача, бинтовавшего руку коренастому парню в синей форме.

— ...Ответным огнем стражей порядка нападавшие были блокированы, а их автомобиль — повреждён...

Крупным планом — пулевые пробоины в капоте старого «УАЗа», разбитые стекла в водительской двери.

— ...Благодаря своевременной поддержке сил вспомогательного корпуса, быстро прибывшего на место происшествия...

Ну, а как же! «Помогальники» *всегда* приезжали вовремя. Послушать диктора — так они были чем-то сродни Бэтмену — только он ухитрялся узнавать о преступлении ещё до его совершения. Во всяком случае, так показывали в кино, сейчас шла уже сто тридцать восьмая часть бесконечного сериала.

— ...Ответный огонь преступников был подавлен, и все они погибли на месте преступления. При изучении тел погибших было установлено, что все они являлись бывшими

военнослужащими Российской армии, недавно уволенными в запас. Их имена...

На экране появилось фото улыбающегося парня лет двадцати восьми.

— Мареулов Константин Викторович...

Встаю и достаю со шкафа хитрое приспособление. Две изогнутые трубы, соединяясь, образовывали фигуру, отчасти напоминавшую букву «С». Снаружи они были обклеены звукоизолирующей массой, а на торцах имели пористые кольца из губчатой резины. Прикрепив оба торца трубки к динамикам, вставляю в отверстие ещё одну трубку. Её конец притягиваю проволокой к решетке телевизора около выключателя. В комнате сразу же стало тише, громкий голос диктора еле пробивался через звукоизоляцию.

— То-то же... — бормочу себе под нос, наблюдая дело своих рук. — Сам себе мозги и вправляй...

Слушать далее было совершенно необязательно. Я и так знал, что дальше расскажет благообразный мужик. Все новости словно бы шлепали под копирку. Всегда бдительные полицейские быстро засекали преступников. Тотчас же появлялись «помогальники», которые их моментально «нейтрализовывали» (по-русски говоря, расстреливали). И в большинстве случаев бандиты оказывались бывшими военнослужащими. Дальше шли фрагменты интервью с их соседями, которые хором выражали своё праведное возмущение... И прочая белиберда. Слушать это было невозможно. Но выключать телевизор — себе дороже.

Данная операция, при всей своей кажущейся бессмысленности, имела целью запудривание мозгов властям.

Почему им?

Да потому...

Телевизоры нынче поставляются бесплатно — в рамках программы повышения культурного уровня населения (максимально возможного оболванивания, подгоняющего всех телезрителей под один стандарт мышления). Выключать его можно только на восемь часов в сутки — подраз-

умеается, что в это время я сплю. Если же он не будет включен ещё час — счет за электроэнергию вырастет. Ещё час — снова рост. А она нынче дороговата... Зато, когда телевизор работает, счетчик минусует столько электроэнергии, сколь сожрал вопящий ящик. Сжег телевизор киловатт — счетчик минусует его и ещё один к нему добавляет. Итого, для однокомнатной квартиры с холодильником и микроволновкой месячный счет выходит около пятидесяти рублей. А вот если зомбоящик выключить... от пенсии не так уж много и останется.

Сначала мы попросту выключали звук, а экран завешивали тряпкой.

В телевизоры добавили датчик освещенности и микрофон, оценивающий уровень звука в помещении. Причем не какого-то постороннего звука, а голоса диктора. Не просекшие этой уловки тотчас же получили нехилые счета за свет.

Но хитровывернутая народная мысль родила вот такое приспособление — «затыкалку». И теперь вопли динамиков прямо переадресовывались микрофону. Пока это работало. А на экран можно и не смотреть — привыкаешь...

А что на него смотреть?

Каждый день — одно и то же. Всемирное торжество демократии и всеобщее умиление народа. Жутко довольные молодые ребята, веселящиеся в ночных клубах и на модных вечеринках. А что ж не веселиться? Кредит ноне доступен с шестнадцати лет, согласия родителей на это не требуется. Место работы можно и не иметь, дадут и так. Правда, с одним ограничением. Под кожу берущего вживляется микрочип, хранящий все данные о хозяине. В этом случае даже скидку дают — пять процентов! До фига... это, смотря сколько берёшь. И продляют охотно, даже задержки небольшие прощают. Клёво!

Ну, это опять же, как глянуть. Я вот попробовал...

Нет, дали-то быстро, хотя и покривились, что от чипа отказался. Но рогом переть не стали — не хочешь, ради бога. Будешь больше платить.

Собственно говоря, я рассчитывал быстро эти деньги отдать. Запасы кое-какие были, опять же — и работа имелась. Так что шанс присутствовал. Ага, пока я эти деньги не взял.

Дали их на десять лет. Удивились, когда я попросил пункт о досрочной выплате указать — нет его в стандартном договоре. Уж этот парень, что из банка, так меня уламывал... даже скидку пообещал. Аж на полтора процента! Ну, тут я уже уперся — мол, иначе брать не стану. Ладно... подписали договор, на мою социальную карту занесли — теперь это документ! Паспорта у нас уже года два как отменили, разве что в глубинке кое-где остались... Всего два документа ныне у нас. Удостоверение личности и социальная карта. По ним теперь все дела и ведут. Очередей нет — сунул в считыватель карту и жди, когда тебя вызовут. Правда, могут вызвать и не сегодня. Такое тоже случается. Я вот как-то неделю ждал... Но дождался, просьбу свою девушке симпатичной изложил — и получил отказ. Быстро и без проволочек.

— Вы не обладаете должными навыками для того, чтобы заниматься выращиванием сельскохозяйственной продукции, господин Волин. Не проходили профильного обучения и незнакомы с применяемыми в этой области стандартами. Сожалею, но вам отказано.

— Что за чушь?! Картошку и морковку растить — теперь учиться надо?! Да я её всю жизнь растил на огороде! И ел!

— И дальше есть можете. Сами. Но продавать — нет. Мы не можем ставить под удар здоровье потенциального покупателя. Времена кустарей-одиночек прошли. Сами себя вы имеете право кормить хоть опилками — свободный человек свободен во всём! Но вот других людей... Увы, это противозаконно. Ваша продукция не прошла контроля качества, не получила нужный сертификат...

— А если я это ваше обучение пройду?

— Лица старше тридцати лет к данной программе не допускаются. У вас сильная профессиональная деформация.

— Да ладно! Я и в сорок с парашютом прыгал — чай, учеба ваша — не сложнее прыжка станет?

— Лица, подвергавшиеся повышенным физическим и психологическим нагрузкам, связанными со службой в русской армии, являются ограниченно годными к такому обучению.

Да робот она или кто?

Такие вот миловидные девушки в большом количестве возникли почти во всех социальных учреждениях. Как-то очень быстро и почти одновременно. Они заменили собою пожилых теток, привычно сидевших на своих местах многие годы. По телевизору сообщили, что это братская поддержка от европейских народов изголодавшейся России. Ну да, большинство этих девиц было из Прибалтики, Польши, ещё откуда-то... Так что на все местные обычаи и прочее им было начхать с высокой башни. Да и наша молодежь на эту непрестижную работу не очень-то и шла. Министр социального развития, глядя с экрана добрым взором, поведал нам о том, что подобным образом будут разорваны и уничтожены все коррупционные схемы, каковых в данном министерстве хватало. Разумеется, до его появления на этой должности.

Ну, а то, что за столь «вредную» работу в такой отсталой стране им полагались нехилые льготы и прибавки — вполне естественно. Только вот никого об этом особо не оповещали — не та тема, неинтересно...

В общем, разрешения на торговлю я не получил.

И как-то так совпало, что стоило мне внести в банк первый крупный внеочередной взнос на погашение кредита, меня внезапно вызвали к управляющему нашей конторой. Мужик это был, в принципе, неплохой. Ещё из старых, оттого и не научился врать беззастенчиво. Крутить и вертеть он не стал и прямо заявил, что я уволен.

— С какого рожна, Виталий Степанович?

— Сверху указилвка пришла.

— Ко мне что — претензии есть? Машину плохо вожу?
Аварию где-то сотворил и сбёг?

— Нет. Такого ничего не было.

— А что было?

Он оглядывается и встаёт со своего места. Подходит ближе.

— Нефиг выпендриваться было, Михал Петрович! Все кредиты вовремя отдают, процент положенный платят... А тебя куда понесло? Вот и делай выводы!

Всю эту хитрую механику мне чуть позже разъяснил Толян. Он вообще мужик умный, с головою дружит, и язык у него подвешен здорово.

Я очень хорошо помню, как впервые с ним познакомился...

— Восьмой, приготовиться, — пискнула в наушнике радиостанции. — Четвертый, доложить о готовности.

— Четвертый готов! — нажимаю клавишу передатчика. — На позиции, объект вижу.

Мы все лежим в развалинах старого цеха. Полуразрушенные стены хорошо скрывают спрятавшихся в траве бойцов. Если смотреть со стороны, то заметить нас можно только подойдя вплотную. Хаотическая мешанина из обломков конструкций, пустых железных шкафов и каких-то старых механизмов кажется совершенно непроходимой. На первый взгляд, здесь могут пролезть разве что заводские кошки. Их в данном месте великое множество самых разнообразных расцветок. Один из них, рыже-полосатый котик, сейчас сидит в нескольких метрах передо мной. Греется злодей на солнышке. А мы все под этим солнышком просто потом истекаем. И глядя на него, откровенно завидуем. Он ведь не просто так тут сидит: лежащий справа от меня Мишка Капустин периодически подбрасывает этому проглоту кусочки ветчины из вскрытой банки. Оттого-то он и не уходит: кормится. А заодно играет роль успокаивающего фактора. Сидящий с этой стороны на крыше боевик в нашу сторону даже не смотрит. Ежу понятно, что любой, кто рискнул бы пробраться к зданию с этого направления, неизбежно спугнул бы кота. Вот поэтому мы кормим этого рыжего обжору.

Чего ради мы здесь загораем?

Да все просто. Мы лежим на территории городской станции водоснабжения. В здании перед нашим носом зашли боевики. Их порядка двадцати человек. И они требу-

ют, чтобы сюда доставили двоих их соратников, которых задержали пару дней назад при попытке установить мину на железной дороге. Схватить их удалось в буквальном смысле слова за руку прямо в момент закладки фугаса. Один из них оказался давно разыскиваемым злодеем, так сказать, их патриархом минного дела. Понятно, что проигнорировать его задержание и неизбежную пожизненную отсидку боевики просто не могли.

Вот и завалился их отряд на станцию водоочистки. Перебили немногочисленную охрану, как раз перед этим лишённую автоматического оружия по указу сверху, и заминировали баки с хлором, пообещав рвануть все это хозяйство и затопить ядовитым газом близлежащие жилые кварталы. Сейчас там потихоньку эвакуируют жителей из домов. Потихоньку из-за того, что на крыше цеха торчит боевик с биноклем, время от времени оглядывающий жилые дома. Они сразу предупредили: заметят вывод людей — взорвут баки немедленно. Вот и проявляют местные опера чудеса изворотливости, вытаскивая людей под прикрытием окрестных строений. Боевики, должно быть, немало бы удивились тому, что совсем недалеко от позиции их наблюдателя абсолютно аналогичным делом занимается и наш боец. Он тоже просматривает в бинокль окрестные дома, чтобы вовремя заметить мелькнувших где-то людей. Совсем нейтрализовать хождение мы не можем, это понимают и боевики. Как ни удерживай людей внутри помещений, но при получении известия о возможной газовой атаке они рванут напролом, и никакой кордон их не остановит. Опираясь на этот аргумент, руководство отказало боевикам в прибытии журналистов. Мол, пойдет информация в эфир, народ тут же ударится в бег. К чести боевиков, они этот довод восприняли правильно. Не стали орать и настаивать на своем требовании. На выполнение своего ультиматума они дали три часа. Именно столько времени заняла бы транспортировка самолетом задержанных лиц из областного центра.

А за это время нас подняли по тревоге. Отчего нас? Да не было рядом больше никого. Соответствующие специалисты еще только находились в пути. И прибыть они могли при самом лучшем раскладе не ранее чем через час.

Вот и подползаем осторожно, окружая здание цеха со всех сторон.

Но эта задача — не главная. Где-то там, скрытые от нас и от глаз боевиков густой травой, пробираются к своей цели саперы. Им предстоит обезвредить заряды — только после этого мы можем что-то сделать. Новичков среди нас нет, все понимают, что как только прозвучат первые выстрелы, кто-то из окружённых тотчас же нажмет на кнопку подрывной машинки.

И тогда — кранты всем. Нам и боевикам, местным жителям, которых не успеют вовремя эвакуировать. Даже домашней живности. И этот рыжий проглот, пожирающий сейчас очередную порцию ветчины — он тоже никуда не уйдет.

Не завидую я саперам. Вот уж на чьем месте не захотел бы оказаться ни за какие коврижки! Одно неверное движение — и на твоей совести пара тысяч покойников! Жуть...

Саперы вышли на связь всего один раз. Доложили, что цели достигли, работу начали. И всё, больше от них ни единого звука не последовало. Надо думать, рации выключили. И правильно, в общем-то, сделали.

Боевик на крыше устал сидеть в одной позе. Поднялся, поправил автомат и прошелся взад-вперед. Моцион у него, понимаете ли... Я б те, голубчик, устроил прогулку... в один конец! Но кое-какая польза от этого моциона все же имелаась.

Когда наблюдатель, пройдясь по крыше, на некоторое время отвернулся в сторону, из-под остова старой автомашины, стоявшей неподалеку от стены, метнулась к зданию быстрая фигура. Кто-то из наших. Прижавшись к стене, он аккуратно ввинтился между балками, на которых возвышался над землей здоровенный бак.

Есть один!

Боевик вернулся на место. Осмотрелся и, ничего подозрительного не заметив, направился в обратный путь.

Пользуясь этим, к дому просочился ещё один боец.

Ожил наушник рации.

— Четвертый, на связь!

— В канале.

— По команде снимайте наблюдателя. Как понял?

— Понял.

— У них переключка через четыре минуты. Сразу после неё даём отмашку — убираете всех, кто есть на крыше, и занимаете её.

— Есть, занять крышу.

Ребята оживляются, слышу щелчки предохранителей.

Мучительно долго тянется время.

— Работаем!

Слева от меня шелкает «Винторез» Пальча, и у боевика подламываются ноги. Он мешком оседает около парашюта.

Прижавшийся к подпорной балке боец вскидывает руку. Не слышу щелчка, но знаю, что у него там линемет. Разумеется, не штатный корабельный, а специально нашими умельцами доработанный. Есть у нас и другая штука похожего назначения, она может зашвырнуть полутоннокилограммовый якорь с линём аж на крышу девятиэтажного дома. Но — шумная машинка, использует штатные автоматные патроны, оттого в данном случае и неприменима. А этот заряжаем углекислым газом — стандартный пейнтбольный баллон. На девятиэтажку он якорь, понятное дело, не забросит, а вот на этот домик — в самый раз.

Сигнал!

С возмущенным мявом шарахается из-под ног рыжий обжора.

Извини, котище, но нам сейчас не до сантиментов.

Вот и стена цеха. Прижавшись к балке, караулит автоматным стволом парашют один из бойцов.

Рывок!

Ногами упираюсь в шершавый бетон. Стыки между плитами — здорово! Слегка вжимают по веревке «жумары».

А вот и край парапета...

Осторожно подтягиваюсь и приподнимаю голову над его краем. Пистолетным стволом обшариваю крышу.

Есть тут кто живой?

Есть.

Тот самый наблюдатель, что разглядывал из бинокля жилые дома.

Пуля пробила ему горло, и сейчас он полулежит у вентиляционной шахты, опираясь на неё спиной. Рядом на залитой битумом крыше валяется радиостанция. И к ней тянет он ослабевшую руку.

Дважды сухо кашляет мой АПСБ.

Не дотянулся...

А больше здесь никого не осталось. В смысле — живых не осталось, снайперы сработали грамотно.

Переваливаюсь через парапет и, распластавшись на теплой крыше, беру на прицел проход вниз.

Он не заперт, дверь на ветру чуть-чуть поскрипывает.

А в нескольких метрах от меня стоит на треноге камера наблюдения...

— «Вышка» — «Четвертому»!

— На связи.

— Вижу камеру!

— Там ещё три штуки должно быть — контролируют окрестности. Не трогайте их, мы уже позаботились на этот счёт. По плану.

— Есть — по плану!

Так, это значит, что умники из РЭБ уже перехватили картинку, которую эти штучки передают куда-то. И теперь сидящий у монитора наблюдения боевик видит только то, что они ему покажут. Сильно! Далеко шагнула техника!

За моей спиной шорох и движение — группа поднялась наверх.

— Снаряжение снять!

Здесь нам обвязки и карабины более не нужны.

— Заяц — проверить дверь!

Мимо меня бесшумно проскальзывает боец. Секунда — другая, он уже лежит у двери, разглядывая порог. Осторожно просовывает туда зеркальце.

— Командир — площадка заминирована! — шепчет на-ушник радиостанции.

— Снимешь?

— Покумекаем...

И сапер бесшумно исчезает в проеме двери.

— Лихой — подстраховка!

Коренастый парень, подобравшись к проему, наводит туда ствол пистолета.

Однако!

Эту четверку тут что — помирать оставили? Раз заминировали путь вниз? Или какой-то вариант отхода все же предусмотрели и для них?

Осматриваю крышу.

Ага, вот и свернутая кольцом веревка. Стало быть, спускаться по лестнице они не собирались.

— Заяц — «Четвертому»!

— Здесь я...

— Боевики собирались спускаться вниз не по лестнице! Мотай на ус, сюрприз может быть не один!

— Усек...

На связь выходит командир. Докладываю ему о произошедшем.

— Поаккуратнее там. Боевикам сообщили — самолет с их специалистом произвел посадку в аэропорту. Скинули им ролик — там видно, как его выводят. Минут через тридцать машина с ним должна подойти к станции. У тебя есть двадцать минут.

— Заяц — слышал?

— Укладываемся. Одну снял — обычная растяжка. Со второй... так просто не пойдёт. Спускайтесь, буду помогать.

Ни хрена себе пельмень! Это что ж он там нарыл?

— Смотри, старшой. — Заяц присаживается на пол и дует.

Небольшим облачком поднимается вверх пыль... и я вижу мерцающий красный лучик, прорезающий это облачко.

— Фигасе... лазерный датчик? Как ты его нашёл-то?

— Искал, — пожимает плечами сапер. — Вот и нашёл. Чувял задницей, что какую-то подлянку они здесь приготавливали. Заряд — вон там стоит.

Смотрю туда, куда он указывает рукой. Точно, небольшая кучка мусора расположилась около стены, аккуратно напротив лестничного марша.

— Там, если приглядеться, видна лапка «монки», неаккуратно присыпали.

— Да и вовсе этого могли не делать... к ней и так не подойти. Всё тут?

— Не факт. Но вопрос не в этом. Как здесь пройти — вот главная задача?

— Ну, ушастый, у нас в этом вопросе — ты главный спец. — Решай.

— Духа сюда тащите. Лучше — двоих.

Сказано — сделано, через минуту на площадке лежат два трупа.

— Сюда его опускайте. Так, чуток повернуть... Второго давайте. Приподнимаем... Аккуратнее! Повыше. Держите, я его осматрю.

Сапер ложится на пол и осматривает тело. Заправляет за ремень выбившуюся полу куртки.

— Ещё приподняли. Переносим через луч. И аккуратно-енько опускаем на пол. Все. Вот по ним и топайте — луч

между телами, сантиметров на десять выше. Ноги аккуратно поднимаете, смотрите, чтобы ничего не болталось и не висело — не ровен час, луч перекроете. Рыжий! Тебя особенно касается!

Наш главный ходок по бабам возмущенно фыркает. Шутка удалась.

Заяц снова дует на пол — мелькает в облачке пыли красный лучик.

— Все видели? Тогда — двинулись! За мною, только на пятки не наступать, знаю я вас...

— Граф? — поворачиваюсь я к бойцу. — Вторым идешь! Рыжий — третий! Около двери внизу занять позицию! Зайца прикрывать!

Через пару минут мы все, разом похудевшие на пару килограммов каждый (бельё — хоть отжимай!), стоим около приоткрытой двери.

Сапер осматривает притолоку.

— И всё? Право слово, я чего-то иного ожидал...

Он осторожно просовывает руку между дверью и косяком, что-то нащупывает...

— Всё, командир!

В его руке обыкновенный граненый стакан со вставленной туда гранатой. Чеки нет, и предохранительный рычаг удерживается только тонкими стеклянными стенками. Сверху на запале болтается обрывок нитки.

— «Сто лет граненому стакану» — старая штучка!

Но оттого не менее смертоносная. Наверняка запал в гранате тоже «доработали». Приходилось уже такие вещи встречать. Забираю у Зайца стакан и прячу его в разгрузку.

Осмотр двери, коридор... чисто. Отсюда никого не ждут.

— «Вышка» — «Четвертому»!

— На связи.

— На исходных.

— Принято. Машина на подходе. Ждите сигнала.

По моему приказу бойцы бесшумно просачиваются в помещение цеха. Серыми тенями скрываются между механизмами и прячутся за толстыми трубами и баками непонятого назначения.

Я, Граф и Рыжий продвигаемся вперед, внимательно оглядывая пол под ногами. Мало ли... тут всякого барахла навалено — полный атас! Можно подумать, что здесь с момента постройки никто ничего и не убирал ни разу.

Но нет, дальше все пошло почище, белый кафель на стенах, подметенные полы. Надо думать, сюда заглядывали чаще.

Первого покойника мы нашли через минуту. Худенькая девушка в порванном и окровавленном халате лежит на спине. Губы искусаны. Тонкие руки привязаны проволокой к ножкам стола. Ноги растянуты в стороны и тоже притянуты проволокой к различным деталям обстановки.

Позади меня что-то ворчит Рыжий.

— Ах, мать их... — шипит сбоку Граф. — Просто застрелить не могли?

Застреленный обнаруживается в следующем помещении. Грузный мужик в спецовке. А вот он не просто так отдал свою жизнь — правый рукав спецовки пропитан кровью. Чужой — мужику стреляли в затылок. Стало быть, на рукаве не его кровь. Рядом с телом на полу валяется молоток. Тоже окровавленный.

А на станции дежурная смена из шести человек. Лаборантку мы нашли. С учетом этого мужика — ещё четверо где-то должны быть.

И они были.

Троих мы отыскали в душевой — их загнали туда и расстреляли в упор. А вот четвертый... его тела так и не обнаружилось.

Минут через десять мы определили местонахождение боевиков. Комната охраны и помещение контрольной аппаратуры. В первой комнате сидели трое мордovorотов с автоматами — стерегли вход. Их удалось разглядеть —

дверь была широко распахнута. Терпкий запах анаши пощекотал мои ноздри — кто-то там курил.

Проверить аппаратную не удавалось. Дверь плотно закрыта, и щелочек никаких нет. Запрашиваю штаб.

— Двоих видим точно, — приходит ответ через минуту. — Один у окна стоит, наружу смотрит. Иногда по рации опрашивает посты. Второй в глубине комнаты, с кем-то там разговаривает. Значит, есть ещё кто-то.

По рации говорит?

Посты опрашивает? Ну, и ладно, этот вопрос меня мало волнует. Раз уж наши смогли перехватить сигналы с видеокамер, так и с радиообменом, надо полагать, что-то изобрели.

— Четвертый — «Вышке»!

— В канале.

— Машина подошла. Связываемся с боевиками, они должны кого-то выслать навстречу. Готовность. Повторяю — готовность!

— Принял. Ждем команды.

Хлопает дверь аппаратной. На пороге нарисовывается здоровенный мужик в камуфляже. В руках — пулемет. Он подозрительно осматривается по сторонам и отступает внутрь. В дверях появляются двое.

— Ты им веришь? — это худощавый парнишка в белом халате. На носу — очки в позолоченной оправе. Вот он — последний из дежурной смены!

— А у них выхода нет, — пожимает плечами второй, поджарый бородач в камуфляжной куртке. — Население они не вывели, других вариантов не осталось. Сейчас встречу Абу, тогда снова их вызову — пусть готовят вертолет. Он там точно есть, полчаса назад летал над городом, я видел. Так что ставь таймер на час. Нет, лучше на час двадцать. Мы уже успеем улететь.

— А я?

— С нами полетишь, естественно! Что я твоему отцу скажу? Что бросил сына уважаемого человека погибать от удушья? Мне смешно слышать такой вопрос!

Ага, так это казачок — засланный? Уважаемый папа? Стало быть, от суда и тюрьмы отмажет? Ну-ну...

Под ногами боевика гудят металлические ступени лестницы, он спускается вниз. Из комнаты охраны выходит ещё один, вскидывает на плечо автомат. И «сладкая парочка» топает вниз — к воротам.

— «Вышка» — «Четвертому»!

— На связи.

— Выходят двое. Главарь боевиков и сопровождающий. Главарь бородатый.

— Принял. Начинайте.

— Всем «ежам»! Начали!

Вытаскиваю из кобуры АПСБ и подбираюсь к двери. Рыжий осторожно тянет её на себя.

Есть! Не заперто!

Щель небольшая, но нам хватит. Лишь бы ствол пропихнуть.

Гулко бьёт ПК, и в двери тотчас же появляются дырки — прочухался боевик в комнате. Сейчас этот деятель повернет ствол и... стеночка в один-два кирпича для этого ствола существенной преградой не станет.

Резким движением выдергиваю из разгрузки трофейный стакан с гранатой и, приоткрыв дверь пошире, забрасываю его внутрь. Сейчас там кому-то поплохеет...

Я даже на площадку упасть не успеваю — внутри бабахает разрыв. Предчувствия меня не обманули, гранатный запал доработали для мгновенного подрыва. Стакан разбился — и нате! Ну, раз пошла такая пьянка... Киваю Рыжему, и он забрасывает внутрь ещё одну гранату. Здесь нам жалеть и спасать некого.

Эхом грохочет взрыв внизу — ребята подорвали караульное помещение. Хлопают выстрелы — они ворвались внутрь. Пистолетные — это мои парни работают. У боевиков автоматы, с нами не перепутаешь.

Рыжий, пригнувшись к полу, ныряет внутрь. Я следом, надо его подстраховать.

В помещении царит хаос. Все перевернуто, оконное стекло заодно с рамой вынесло на улицу. Дым от разрыва понемногу вытягивается наружу, и становится видно пулеметчика. Он ещё жив, бьётся на полу и выгибается дугой. Не жилец — горло разорвано осколком, и разгруз на груди весь уже промок насквозь.

Щелкает выстрел Рыжего, и боевик замирает на полу.

Странное дело, но и очкастый деятель тоже жив! Хотя и очень плох, ему тоже прилетело изрядно. Основной удар пришелся ниже пояса. Он сидел за столом, а гранаты рвались на полу. Поэтому часть осколков задержал стол, за которым этот тип и расположился. Даже очки уцелели и всё так же поблескивают золотом оправы.

Он скорчился на стуле и что-то шипит сквозь зубы.

Подхожу ближе.

— Бинт...

— Чего?

— Меня надо перевязать!

— Зачем?

— Вы не поняли?! Я же заложник!

Удивительным образом уцелевший ноутбук отображает сейчас картинку, передаваемую камерами слежения, в том числе лестницу, по которой все мы шли. И стоит этот ноутбук прямо перед очкастым.

— Твоя работа?

— Меня заставили!

— Угу. Папа попросил?

Он дергается, лицо его темнеет.

— Спешешь к нему? Вынужден огорчить — встречи не будет.

— Не имеете права! Вы должны оказать мне помощь!
— Как той девочке внизу?
— Это не я!
— Но ты — видел?
— Я не мог им помешать!
— Мог. Главарь говорил с тобою уважительно, стало быть, послушал бы сына уважаемого человека. Ну, убили бы её просто, зачем же так-то?
— А! Ей уже всё равно...
— Мне тоже.
— Вы будете смотреть, как раненый человек истечёт кровью?!

— Рыжий, ты тут человека видишь?
— Нет, командир. Не вижу таких. Покойников — этих наблюдаю.
— А они ведь не разговаривают?
— Нет. Должно быть, ветер шумит, здесь такой сквозняк...

Парень сует руку в стол. Нагибаюсь и прижимаю её к углу. Так и есть — там у этого типа пистолет, и сейчас он сжимает его в руке. Вот и славно... любая экспертиза найдет на нем твои пальчики — фиг кто-то теперь выставит очкастого невинной жертвой.

Какое-то время он ещё дергается — не хочет помирать просто так. Ох, и злобный же ты гаденыш...

Потом его рука слабеет, глаза начинают мутнеть. Всё, отпрыкался. Очкастый обмякает на стуле.

На лестнице звучат шаги.

— Девять!
— Два! — откликается Рыжий. — Заходите!
В проеме двери появляется Граф.
— Командир, внизу чисто. Двое холодных.
— И у нас, — быстрый взгляд на парня, — тоже двое. Оказали активное сопротивление, стреляли...
— Понятно, — кивает боец.

Отпускаю руку борзого типа и вытираю ладонь об его одежду.

— «Вышка» — «Четвертому»!

— На связи.

— Здание зачищено. Четверо холодных — оказали активное сопротивление. Дежурная смена станции погибла вся — духи расстреляли, а один из сотрудников оказался пособником боевиков.

— Ваши потери?

— Нет потерь, Рыжий колено ушиб. Саперов сюда нужно, здание заминировано.

— Высылаем, встречайте.

— А главарь там как?

— Взяли. И его, и охранника, никто и пикнуть не успел.

А уже в штабе я попросил показать мне тех спецов, которые так ловко ухитрились запудрить мозги боевикам, вовремя подменив картинку и имитировать всё это время радиообмен. Из-за уставленного всяческой аппаратурой стола поднялся худощавый лейтенант. Смущаясь, протянул мне руку.

— Лейтенант Григорьев.

— Звать тебя как?

— Анатолием, товарищ капитан.

— Значит, так, Толя. Из кожи вывернись, но сегодня вечером ты у нас! Понял?

— Э-э-э...

— Это приказ, лейтенант! Усек?

— Усек... так точно!

— Расслабься. Мы тут тебе все по гроб жизни обязаны. А долги надо отдавать!

У меня были все причины для таких слов. Под лестницей саперы нашли заряд тротила. Весом около десяти килограммов. И подорвать его очкастый мог в любой момент. Если бы увидел нас на экране. А ведь эту камеру, как и заряд, мы благополучно зевнули...

Тогда я подарил ему трофейную «беретту», взятую у убитого боевика. Компьютер, конечно же, оружие се-

рѣзное. Но пистолета не заменяет. Во всяком случае — не всегда.

А сейчас мы мирно сидим у него на кухне. Вчерашний лейтенант подрос и заматерел, в глазах появилась мудрость. Да и выглядит вчерашний лейтенант теперь куда как солиднее.

— Вот ты что — решил банк надуть?

— С какого бодуна?

— Мил друг, как ты не просекаешь? Для чего тебе, да и всем прочим тоже, банки деньги дают? Ну, скажи мне — какая им польза от сопляка шестнадцатилетнего, работы не имеющего и мозги пропивающего на вечеринках? Дофига они с него денег поимеют?

— Да какие там деньги! — машу рукой. — Я-то хоть работаю, а они...

— Вот! — назидательно поднимает он палец к потолку. — Смотри сюда. Десять лет этот обалдуй скакал и ни о чем не думал. Однако ж — малина кончилась, и пришли к нему суровые дяди из коллекторского агентства — плати! Чем он платить станет?

— Ну... он же живет где-то?

— Правильно мыслишь! Сейчас, по закону новому, можно взыскание и на часть жилья наложить. Это если заемщик там не один проживает, А с родными. Он ведь там официально зарегистрирован и документы все в банк предоставил. Так что абсолютно законно могут к нему в квартиру кого-то и подселить, выперев его, любезного, на улицу. Ты вот, на месте его родителей, такого счастья возжелал бы?

— Я на дурака шибко похож?

— Не похож. И оттого все свои сбережения (ну, или их большую часть) банку и отдашь. Заметь — совершенно добровольно! Тебе ведь очередной пакистанский гость под собственной крышей не нужен? И отпрыска любимого жаль до усрачки! Подохнет ведь на улице, обалдуй! Так

что хоть поручителей с него и не требуют более, однако ж по факту они есть. Дальше пошли... — Толян снимает с плиты чайник и наливает нам обоим чаю. — Ты договор внимательно читал?

— А то ж! Чай не лопух, МММ всяких нагляделся.

— Угу. Что там сказано о невозможности взыскания средств?

— Да не помню... есть что-то...

— «...В случае если взыскание задолженности невозможно по причине отсутствия у должника имущества, банк вправе обратиться в суд...» — цитирует по памяти собеседник. — Так?

— Ну, так. И что?

— А по закону суд имеет право направить злостного неплательщика на принудительные работы с отчислением части заработка в пользу банка. Или посадить его в долговую тюрьму. Где ему тоже просто так никто сидеть не даст — будет работать.

— Так по закону же — нельзя! Заключение может не работать, если не хочет.

— Может. Но и сидеть в этом случае станет, пока долг не погасит. Хоть до посинения. Читай закон о злостных неплательщиках!

— Фигасе... Что ж народ на это-то ведётся?

— Так все ж у нас ныне «креативные»! В себе уверенные, думают — их-то это не затронет! Умные — прорвутся. Пока ещё никого не приперло — эти фокусы с кредитами года два только пошли, ни к кому ещё банковские «братишки» в дверь не постучали. Ну, разве уж к совсем безголовым идиотам — банки-то всю полноту информации имеют. Куда ходишь, где тусишь, сколько и за что платишь — микрочип-то всегда с тобой! Вся информация поступает в режиме реального времени. Платежи-то — именно через микрочип и идут! А ты в эту машину всем хавальником залез! От чипа отказался — уже подозрительно. Не хочешь быть как все! Кредит раньше времени возвращать стал —

ещё один звоночек! Неправильный человек — из общей массы выделяешься! Управлять тобой сложно, а это никому не нужно. Вот банк твоему шефу и намекнул... тоненько так... Не надо, чтобы ты возможность чрезмерного заработка имел. Чай, не олигарх — не положено! Так что, другой ситный, с работой теперь можешь распрощаться — не светит тебе более ничего, куда ни сунься!

Так оно и вышло. Все попытки как-то устроиться потерпели полное фиаско. Схожу на собеседование, а через пару дней — отказ. «Фирма в ваших услугах не нуждается». И всё — вилы. Пришлось свой дачный участок в темпе продавать — а то и положенные ежемесячные платежи уже еле-еле тянул. Словом, кредит я отдал. Правда, на работу меня так больше нигде и не взяли — пришлось идти за пенсией. Она мне, как бывшему военнослужащему, с сорока лет полагается. Почему с сорока, а не с шестидесяти пяти, как у всех? Да потому...

Закон этот приняли одновременно с президентским указом о сокращении численности армии. Раз в пять. Мол, для того, чтобы не обижать военнослужащих, увольняемых в запас. Типа — вы свой долг исполнили, можете более всю жизнь не работать. И это верно, ибо по другому закону работающему пенсионеру пенсия не выплачивается. Либо ты пенсионер — тогда милости просим за пенсией. Либо вполне работоспособный человек — тогда ты и сам себя обеспечить можешь.

А заодно сократили денежное довольствие военнослужащих. Раза эдак в три. Генералам — тем, наоборот, повысили. И солдатам рядовым — тоже, хотя и не очень много. А вот офицерский корпус (до полковника) попал под раздачу. И встала перед многими проблема — что делать? Служить — за гроши, или на пенсию, благо что она не так уж и много от оклада нынешнего отличается. Вот многие офицеры и ушли... Когда дома жена недовольная ворчит, дети голодные сидят... Отчего голодные? Так ведь бардак у нас, в армии-то... Зарплату задерживают постоянно —

слишком армия большая, за всем уследить трудно. Это не отдел соцобеспечения — здесь всё компьютеризировано, девушки миловидные сидят, не хмурый начфин... на них и посмотреть приятно. А войска компьютеризировать... зачем? Войны нет и не предполагается, мы ныне со всеми дружим — только что в десны не целуемся. По всей земле — мир и благолепие. Только в Африке дикой да на безумном Востоке вечно друг друга режут... Так там это испокон веку было. До нас — далеко, мы туда не лезем, интересов у страны в этом регионе нет. А пошлют туда наших солдат — так у негров компьютеризации и вовсе никакой не имеется... Так обойдемся. Тем более что инструкторы всегда присутствуют — и вовремя подскажут. У них-то все есть!

Вот и начали уходить со службы офицеры, имевшие боевой опыт. Прошедшие Чечню и всякие прочие «горячие» точки. Те, кто реально мог управлять солдатами в бою...

Как всё это началось?

Нет, никакой войны не было, никто нас не завоевывал. Не прозвучал ни один выстрел, не провернулась ни одна танковая гусеница. Грозные боевые машины продолжали мирно стоять в ангарах.

Я хорошо помню тот день... Как раз именно тогда мне выпало дежурство по части. С утра всё было как-то обыкновенно и буднично. По зомбоящику транслировали прямое включение с очередного лагеря очередных «несогласных». Уж с кем или с чем конкретно они не соглашались в данный момент — никого уже не интересовало. Ну, сидят, ну, вопят чего-то время от времени... пускай вопят.

Внезапно мирная картинка на экране сменилась заставкой — «Перерыв по техническим причинам». Что-то там, на экране, моргнуло... не разобрал.

Спустя минут пять там возник телеведущий.

— Уважаемые телезрители! Приносим свои извинения за перерыв в трансляции. Наши специалисты работают

над этим, и в самое ближайшее время мы восстановим прерванное вещание... — он скосил глаза куда-то вбок. — Прощу прощения! Только что мы получили информацию, что на месте репортажа произошел взрыв огромной силы! Других сведений мы пока не имеем, но постараемся предпринять все меры, чтобы обеспечить своевременное получение новостей! Оставайтесь с нами!

На экране потянулись кадры из прошлых телерепортажей. Показывали лидеров оппозиции, митингующих... Иногда там появлялся президент или премьер-министр — каждый раз снятые с какого-то неверного ракурса. Никак не могу причислить себя к мастерам фото- или кино съемки, но, наверное, я сам снял бы лучше...

— Экстренное сообщение! На месте лагеря оппозиции произошел взрыв! По неподтвержденным данным взорвалось неустановленное взрывное устройство! Имеется большое количество пострадавших, есть погибшие!

На экране замелькали кадры — оператор снимал прямо с рук, камера дрожала и ходила ходуном. Да уж... неслабо ребятам досталось... Этот парень точно уже не жилец — ногу по бедро оторвало. И вон та девушка — там вообще всё плохо...

И понеслось...

На место происшествия вызвали саперов, оцепили всю площадь... словом, всё как обычно.

Изредка заглядывая в комнату дежурного, я продолжал ходить по части туда-сюда, никакое ЧП в городе моих обязанностей не отменяло.

А там транслировали жуткие картинки. Крупным планом показывали оторванные руки-ноги, груды какого-то тряпья (чем это было раньше?) и кровь. Повсюду — на асфальте и листьях кустов, на стволах уцелевших деревьев.

События принимали нешуточный размах. К вечеру на место взрыва выехал даже президент — выразить свои соболезнования родственникам погибших и уцелевшим митингующим.

Камера показала и его — целеустремленно шагающего между обломками и поваленными деревьями.

На том месте сейчас парк. Парк имени президента.

Все прочие, кто оказался в этот момент рядом, такой чести не удостоились. Остались только три столбца фамилий на памятнике, который теперь стоит в том самом парке.

Как оказалось, в газовой магистрали своего часа дождалось ещё одно взрывное устройство — гораздо более мощное. Взрывом выкопало в земле двухсотметровую траншею. Вокруг не осталось почти ничего — отлетевшую камеру сняли с крыши дома в ста метрах от места расположения операторов.

Виновников этого теракта впоследствии никто и не отыскал.

А премьер-министр до Москвы не долетел...

Его вертолет исчез с экранов радаров. Дальнейшие поиски ничего не дали — винтокрылую машину так и не нашли... Во всяком случае, тема эта заглохла очень быстро.

Вот и началась чехарда. Стремясь выглядеть легитимно и правильно перед лицом Запада, наша Дума ничего не придумала лучше, как допустить на все избирательные участки и во все комиссии иностранных наблюдателей.

Итог — второй тур.

Никто не набрал нужного количества голосов, чтобы одержать убедительную победу с первого захода.

Второй тур объявили недействительным — выиграл кто-то не тот...

Несколько месяцев бардака — ещё один заход — поздравляем нового президента!

Господин Накатников.

Молодой, амбициозный и пробивной мужик.

Взялся он за дело круто! Во всяком случае — так казалось поначалу всем. Показательные задержания взяточников и коррупционеров, конфискация неправомерно уворованного имущества, показательные увольнения оборзевших полицейских и судей — все это народ вос-

принял с великим энтузиазмом. На волне популярности легко прошли через Думу несколько законопроектов. Депутатам сильно подфартило — срок их сидения в креслах увеличился вдвое.

Надо сказать, что и на Западе президенту рукоплескали. Как же — справился с коррупцией! С нами снова стали дружить. Поехали в гости важные седовласые и черноволосые дядьки. Зазвучали уверения в вечной дружбе — под эту дудочку прошло первое сокращение армии...

Пока — не слишком явное и значительное. Подумаешь — сняли с дежурства мобильные ракетные комплексы! С кем воевать собираемся, господа? Этот вопрос вставал ежедневно — почти в каждой радиопередаче и с экранов телевизоров.

А вот газет стало меньше.

И книг.

Зато видеодисков — море разлитое! Самые навороченные технологии! Самые популярные шоу! Лучшие комедии и популярные сериалы! За копейки (ей-богу, не вру!). Бери — не хочу!

Я не хотел.

И друзья мои тоже не изъявили желания.

Но *очень* многие — брали.

Мир от этого не рухнул. Ничего страшного и жутко непоправимого — тоже не произошло. Да, в обществе ощущимо усилилась тяга к развлечениям. Ну, и что — а когда ж её не было? Всегда приятнее весело проводить время, нежели восемь часов у станка стоять.

Многочисленные телепередачи всячески подчеркивали тот факт, что стремление молодёжи к богатой и лёгкой жизни — есть явление прогрессивное. Мол, времени впереди — дофига, напахаться всегда успеют.

Правда, попытка протащить через Думу закон о легализации легкой наркоты все-таки провалилась. Как провалились все усилия по либерализации законодательства в отношении однополых браков.

Увы, страна у нас оказалась не настолько динамично развивающейся...

По этому поводу на телевидении долго посыпали голову пеплом и рвали на себе волосы, предрекая, как плохо теперь на нас посмотрят в Европе да и во всем цивилизованном мире.

Но ничего ужасного не произошло — там тоже оказались не дураки и не захотели портить имидж новому президенту. Ритуально повозмутились, покачали головами... этим и ограничились.

Жизнь не кончилась.

А вот от армии косить начали массово. Набрать туда (при сложившихся условиях) контрактников в достаточном количестве — никак не получалось. Поэтому призыв все-таки остался. Ну, так молодежь попросту забила болт на повестки из военкомата. Тем паче что ответственность за уклонение свели к штрафам. Не символическим, однако же, и не к непосильным. Взял кредит, расплатился — и гуляй! Надо же так совпасть, что к этому времени в стране открылось множество отделений западных банков — есть, где денег перехватить. Вот только отечественные банки и страховые компании на их фоне почувствовали себя весьма бледно и нехорошо. Банкам стало совсем кисло, а уж про страховые компашки говорить и вовсе не хочу. По сложившейся за многие годы традиции, они продолжали перестраховывать свои риски на Западе, совершенно не заботясь о том, что просто теряют на этом деньги. На их век должно было хватить. Не хватило — открыв свои филиалы на территории России, западные страховщики сделали ручкой отечественным. И в один прекрасный момент у тех просто не хватило денег выплачивать страховые возмещения.

Ну, совпало так, что резко увеличилось количество страховых случаев! То пожар, то авария... то ещё что-то...

Страховщики не сдавались, прибегнув к годами опробованному способу — мошенничеству. Стали мухлевать

и затягивать сроки выплат. А то и вовсе не платили, мол, у вас дед алкоголиком был!

Увы, но здесь их ожидал сокрушительный облом!

Наусъканная президентским «добром», на жуликов навалилась вся правоохранительная машина. Традиционные «барашки в бумажке» отчего-то не помогли. Таких «умников» очень быстро пересажали. И начали закрываться и банкротиться некогда всесильные учреждения. Все это происходило под одобрительные возгласы телезрителей — зажавшиеся махинаторы ни у кого сочувствия не вызывали.

Когда же закончилось сие действие, утерев со лба пот и похмелившись, страна вдруг обнаружила, что отечественного страхового бизнеса почти что уже и нет. Как нет и банковского — вместо нескольких сотен «столпов финансовой стабильности» осталось чуть менее сотни полудохлых «шарашек». Да и те уже доживали последние дни. Увы, и по этому поводу никто волосы на себе не рвал — не жалко! Грабительские ставки по кредитам помнили все. Как и покупки лопающимися с жиру банкирами футбольных команд и роскошных яхт. Всё это теперь пришлось продавать — банки не выдерживали открытой конкуренции с заграницей. Правительство, кивая на мировое общественное мнение, только руками разводило — ничем помочь не можем! Протекционизм ноне не популярен — Запад нас не поймет!

Когда лихие конкуренты красиво разносили на клочки банковскую систему и страховой бизнес, все прочие тихо злорадствовали. Ни у кого не нашлось ни грамма сочувствия к зажавшимся толстосумам. Однако... им стоило бы посмотреть вперёд. Ибо очень скоро получить хоть какой-то кредит в банке стало весьма интересным делом. Без звука кредитовались (и под очень невысокие проценты!) только всевозможные проекты развлекательного плана. Различные ток-шоу, мыльные оперы и прочая лабуда. А вот получить в банке кредит тому же «Ростсельма-

шу»... оказалось очень даже затруднительно. В лоб никто не отказал, но и денег не дали. Пришлось идти к банкам весьма средней руки. И хоть процент они поставили тоже не самый привлекательный, денег, однако, дали. Добавив в договор махонький пунктик... Нарушив который, гигант сельхозостроения внезапно столкнулся с претензиями со стороны банка. Дело это, в принципе, ничего серьезного собой не представляло — юристы завода такие вопросы решали пачками ежемесячно. В *своем* районном суде. Максимум — в городском. Выше данные дела, как правило, не доходили. Так и сейчас, приготовив соответствующие документы, они стали спокойно ожидать письма из банка.

И оно пришло.

Как и ожидалось, в нем находилась повестка в суд.

В лондонский.

По месту нахождения головного офиса банка.

А вот это оказался удар под дых... К такому обороту дела никто готов не был и соответственно к новым правилам игры не готовился. Все попытки юристов завода перенести рассмотрение дела в привычное место разбились вдребезги о соответствующий пункт договора с банком.

Словом, завод проиграл суд и нехило попал на бабки.

И вот тогда зачесали в затылке уже все остальные директора заводов и холдингов, производящих (на свою беду) что-то конкретное, а не словеса и красивые кинокартинки.

Теперь засвербело под задницей уже у многих. Почуввав в ближайшей перспективе скорый прилет жареного петуха, наши удельные князья и владельцы «заводов, газет, пароходов» дружно взялись за ум (или за то место, где ему полагалось быть...). Надо было что-то делать... Привычные методы убеждения конкретных чиновников ничего не давали — те с регулярной частотой вылетали из теплых кресел. Предлог был несокрушимым — коррупционеры! Да кто ж спорил-то... Они самые... Но и вновь назначаемые

на эти должности сменщики уже через месяц-другой следовали тем же путем — *других* чиновников взять было негде.

В праведном гневe президент обратился к народу с пламенной речью: «Доколе?!» И исполняя пожелания, «высказанные в многочисленных письмах и мейлах в своем блоге», совершил совсем уж неожиданный поворот.

Он попросил о помощи Запад...

И она последовала незамедлительно.

Такие могучие столпы «демократии», как страны Балтии и Польша, выслали на помощь десант...

Не с пулеметами, А с современными эппловскими планшетниками. И вместо военной формы на них были деловые костюмы.

«Не заражённые вирусом коррупции» эти «честные менеджеры» прибывали пачками, горя желанием помочь, наконец, многострадальному русскому народу пойти в нужную сторону.

Вот, правда, понятие о сторонах... у нас с ними было разным. Иногда прямо-таки — полярным.

Но за ними стоял президент, вся его команда, «прогрессивный Запад» и вездесущее «мировое общественное мнение».

И — деньги.

Много денег...

Этот мощный таран сметал на своем пути всё. Заводы, фабрики, научно-исследовательские институты и агрохолдинги. То, что мешало — обычно покупалось. И достаточно быстро перепрофилировалось на выпуск какой-либо иной, не опасной более иностранному конкуренту продукции. Произведённое упрямыми, не желавшими продавать свои предприятия, отчего-то вдруг признавалось несоответствующим мировым нормам. Несогласные с этим могли идти в суд — доказывать свою правоту. Ага, в тот же самый — в лондонский... Ведь международные договоры у нас имеют преимущество перед отечествен-

ными законами, не так ли? Не мухосранскому же суду такие случаи разбирать? В Лондон — цитадель демократии и свободного мира! Там всё поймут и разберутся, если терпежа до окончания процесса хватит. Кое-кому это даже удалось. Про них быстро забывали, в прессе о подобных случаях писали глухо, а телевидение вообще молчало. В конечном итоге были ведь и другие способы... самые разные. Криминал, вообще-то говоря, никто не отменял... да и самые лучшие «друзья» предпринимателя и промышленника — пожарный инспектор и налоговый агент — никуда не исчезли и всегда были готовы оказать ему максимальное «содействие» в развитии его бизнеса. И оказывали, исправно пополняя государственный бюджет. Отчего-то именно в таких случаях они действовали предельно эффективно.

Не хочу сказать, что это понравилось всем. Только горстка записных столичных крикунов продолжала по привычке встречать каждое такое новшество восторженным визгом и ритуальными речевками. На мой взгляд, они вообще наплевали на будущее страны, лишь бы сбылась их любимая мечта — вхождение страны в... А вот тут представления о конечной цели разнились.

Кто-то ратовал за демократию — таких было большинство. Они были лучше сплочены и организованы. Правда, и в их лагере единства не наблюдалось. Одни грезили о небольших уютных «демомирках», где все бы друг друга знали и уважали. Другие хотели построить нечто покрупнее — люксембургский масштаб их не устраивал. Но все сходились на одной мысли — это слишком *большая* страна. Вот станем меньше — тогда-то и наступит всеобщее благоденствие...

Появились у нас и монархисты — в стране разрешили все партии, даже откровенно бредовые. Лишь бы насчитывали десять тысяч членов. Таковой барьер перешли многие — и моментально все местные выборы повисли в пустоте. Избрать кандидатов, которые равно бы устраи-

вали *всех* — оказалось невозможно. Члены разных партий зачастую ненавидели друг друга настолько сильно, что готовы были лечь костью (чужими, разумеется) лишь бы не допустить к власти кандидата от оппонентов.

И ложились — лилась кровь.

Президент назначал на такие вот «зависшие» должности временно исполняющих обязанности чиновников — до выборов новых, разумеется. Стоит ли мне напоминать о том, что нет ничего более постоянного, чем временные мероприятия?

Разрешили (собственно говоря, просто не стали запрещать) и коммунистов. И среди них единства тоже не нашлось... земля у нас такая, что ли?

Были коммунисты «старые», с которыми соперничали «новые» (хотя я так и не понял — какая между ними разница и в чём?). Имелись и «коммунары» — это вообще что-то новое. А может быть, хорошо забытое старое? Не знаю... Даже и комсомол присутствовал! Ей-богу, когда впервые парня с комсомольским значком увидел — думал, пипец — глюки начались!

Но нет, топал себе такой по бульвару, о чем-то толкуя по мобильнику и в ус не дул! И ещё несколько раз я подобных ребят встречал — они стали вполне привычной деталью пейзажа.

Никто вроде бы не мешал всем этим партиям вести агитацию и сотрясать воздух громкими заявлениями. Вот только толку от таких заявлений... что-то никто так и не заметил — ничего не менялось.

Открывшиеся в некоторых крупных городах местные «Гайд-парки» тотчас же заполнились всевозможными любителями подрать глотку с трибуны. Благо что никто им не мешал. Да и особенно не слушал. Но это их, похоже, нисколько не смущало и не останавливало.

Зато внешне — полный плюрализм мнений и поголовная демократия! Всеобщее благолепие и успокоенность в душе. Ага, щас...

Некоторым особо упертым менеджерам, бросившимся рьяно наводить «порядок» в подведомственных им отраслях, неплохо начистили рыло. Кое-кому повезло гораздо меньше.

Последовал президентский указ, разрешающий «десантникам» носить огнестрельное оружие. Для законной самообороны, разумеется. Заодно благодетельствовали и некоторые категории должностных лиц — «в связи с особой важностью решаемых ими задач», как было написано в указе.

Обрадованный народ поскакал в полицию — за разрешениями. Им мягко указали на то, что сначала они должны эти самые должности занять. И после этого — милости просим! Прочего населения, не имеющего удовольствия занимать означенные в указе должности, эти блага, как выяснилось, не касались. Более того, тихой сапой изъяли и всю травмику — просто не продляли разрешение на ношение и всё.

Мотивировка была простой, как грабли — «в связи со всемерным укреплением правопорядка».

Его тоже «укрепили» — полиция получила расширенные права. Разумеется, «временно»... Правда, всевозможный криминал не сильно этим обеспокоился, надо думать у них там что-то модернизировали. Уж не знаю, своими ли силами или «десантников» привлекли? Словом, шанс потерять кошелек в темной подворотне — значительно вырос.

Наш многомудрый президент и тут долго ждать себя не заставил — международное сообщество (читай — страны НАТО) по его просьбе, разумеется, направило к нам «вспомогательный корпус поддержки сил правопорядка». Со слов сообщества — чисто полицейское образование.

А вот этих гостей встретили, в буквальном смысле слова, в штыки. На уши встали все — армия, внутренние войска МВД и много ещё кто «из здравомыслящих». Допустить на территорию страны вооруженные силы других государств? Да под какой угодно вывеской — хрен!

Доходило и до открытого вооруженного противостояния — их просто не пускали в некоторые населенные пункты. Прозвучали кое-где первые выстрелы — и в родные пенаты полетели самолеты с гробами «помогальников». Не помогло им современное вооружение и навороченные компьютерные технологии ведения войны. На какое-то время притих даже наш говорливый «гарант». А всевозможные говоруны и трибунные глашатаи — те и вовсе словно воды в рот набрали. На телевидении шли бесконечные развлечения, а политкомментаторы нудно талдычили о неблагодарности русского народа, видевшего даже в бескорыстной помощи вражеские происки. Эх, в этот бы момент и врезать! Но нет... ограничились тем, что выперли части корпуса в открытое поле, где они и попрятались во временных лагерях, никак о себе не заявляя.

Странное дело — но и криминалитет в одночасье куда-то делся — хватило нескольких сотен застреленных армейскими патрулями гопников.

Все вроде бы затихло.

Опомнившись и успокоившись, не слыша стука прикладов в дверь, президент снова воспрял духом. И в дело вступило тяжелое оружие — Арбатский военный округ. Благодаря бесконечным реформам, оттуда уже давно выперли на пенсию всех более или менее способных и самостоятельных генералов. А оставшиеся своего мнения (отличного от мнения очередного министра) не имели. Хотя в данном округе отсутствовали танковые дивизии и реактивная артиллерия, по своей пробивной силе он не уступал полнокровной армии. А в сочетании с кадровым управлением и финансовой службой... тут им равных вообще не было. Просто нигде — даже и за рубежом.

Первыми под удар попали внутренние войска — в ходе «внезапной» реформы МВД их вывели за штат. Мол, в полиции и так спецподразделений хватает — зачем ещё и собственные войска? Заплатим полиции побольше — они и вовсе горы свернут! А этих... ну передадим куда-нибудь...

могут и просто в полицию перейти, возьмем. Новый глава МВД эту идею поддержал, ему-то это и вовсе было пофиг: очередной назначенец, даже и в милиции не служил ни одного дня. Дальше — больше. Оказалось, что и денег на содержание ВВ отчего-то не хватает... Что-то там очень своевременно рухнуло, какую-то плотину прорвало... туда всё и ушло. Вот и канули в лету крутые профессионалы в краповых беретках. Какая-то их часть оказалась в армии, кто-то перевелся в полицию, а большинство... они просто ушли на пенсию. Благо новый закон это позволял.

Один из самых «сокрушительных» аргументов был таким, что за содержание ВВ мы все платим из своего кармана, а вот «помогальникам» платят *их* страны. Мол, какие мы ловкие — заставляем иностранцев оплачивать наш правопорядок! Кое-кто даже поверил... угу...

А к тому времени уже вовсю разошелся и Арбатский военный округ...

Я хорошо помню этот день.

Ещё несколько недель назад по части пошли всяческие слухи. Толком никто ничего не знал, вот и изгалялись — каждый на свой лад. Пока сегодня нас не собрал Батя. Полковник по выслуге лет, давно уже был кандидатом на пенсию. Зная его строптивый характер (ну, не уважал он паркетных полководцев — и всё тут!), генеральских лампасов ему ожидать не приходилось. Но и спихнуть его с должности было не так уж и легко — авторитет у Бати имелся... весьма ощутимый. И много где признаваемый.

Нас всех (я имею в виду — офицеров) собрали в зале гарнизонного дома офицеров. В воздухе повисло напряжение — сегодня что-то должно было, наконец, решиться. Сидящий на сцене полковник выглядел надломленным, таким его мы и представить не могли. Справа от него ерзал на мягком стуле незнакомый генерал, по-видимому, из приезжих — раньше его здесь никогда не видели.

— Вот что, сынки... — встал Батя со своего места. — Не думал я, что до такого дня доживу...

В зале установилась прямо-таки могильная тишина.

— Короче... Нет больше нашей части, ребята. Приказом министра обороны она расформирована. Со вчерашнего дня. Личный состав, выслуживший положенные строки службы, будет уволен в запас. Все прочие переводятся для прохождения службы в другие подразделения. Нежелающие это делать могут подать рапорт.

Мы молчали. Новость была попросту ошеломляющей.

— Да... вот так... — полковник засунул большой палец правой руки за ворот рубашки и подергал его туда-сюда, словно воротник мешал ему дышать. — Мы пробовали что-то сделать, но в стране нет денег! Снять мыльную оперу про жуткие моральные страдания несчастных пидорасов, вбухав в это «произведение» пять-шесть миллионов долларов — деньги есть! А содержать воинскую часть с почти вековой историей — нет! Война придет, чем защищать страну станем — голые жопы артистов выставим? Чтобы противник от хохота умер? Тоже, между прочим, метод...

Сидевший сбоку генерал попытался что-то сказать, но Батя *так* на него глянул... Генерал сделал вид, что он просто так рот открыл — воздуха, наверное, ему не хватало.

— Вот так, сынки... Все меня слышали. Решать — вам. Но *приказ* — есть приказ, и мы обязаны его исполнять. Напоминаю об этом *всем!* Знамя наше, как и положено, в музей отправят — в Москву. Месяц нам дан на сдачу дел и передачу вооружения и снаряжения. Для этого сюда прибыла комиссия из министерства, во главе с генерал-майором Федяевым. Вот он сидит — прошу жаловать! Любить — не призываю, ибо понимаю ваши чувства.

— Но, господин полковник... — начал было генерал.

— Товарищ! — стукнул по столу кулак Бати. — Я для своих офицеров был — и остаюсь — товарищем!

— Извините... — стушевался Федяев. — Я, так же как и все вы, сожалею о произошедшем! Но экономика страны в бедственном положении! Денег — действительно нет! Экономим абсолютно на всём!

— На кино — тоже? — язвительно поинтересовался полковник. — Что-то я этой экономии не заметил...

— Но это деньги частных инвесторов! Они сами решают — куда дать...

— И у кого взять... Угу. Однако ж из госбюджета на эту мерзость денег тоже нехило идёт! Или нет?

— Эти вопросы выходят за рамки моей компетенции! — развел руками столичный «ликвидатор». — Я не располагаю такими данными!

— Так это всё в газетах есть! — удивился Батя. — Тоже не читали?

— Не читал — некогда мне, товарищ полковник.

— Понятно... — комдив медленно опустился на стул. — Вот так, ребята...

А на следующий день все завертелось. Надо сказать, что не только у меня зародилось подозрение, что основная цель прибывшей комиссии — вовсе не правильное и своевременное оприходование имущества и вооружения. Как раз к этому делу они относились... в общем, несерьезно относились, мягко говоря. При желании хоть БТР угоняй, никто и глазом не моргнул бы. Ну, его тащить никто, понятное дело, не стал — но свои выводы сделали.

А основной целью визитеров из Москвы было расформирование дивизии. Как можно скорее и любой ценой. Пусть и несоразмерно высокой.

Вот к *данной* цели они ломались со всем усердием. А уж как уговаривали подчиненных написать что-нибудь про нехорошие дела комдива... это вообще песня особая.

Однако здесь их ждал облом — таких мерзюков не нашлось.

Так или иначе — месяц прошёл. Комиссия свою работу закончила. Из столицы прибыла специальная группа за Знаменем части.

Тот день, как по заказу, был холодным и ветреным — обрывки низко нависших облаков безжалостно разметывались порывистым ветром в клочья. Но замершие на плацу шеренги стояли молча, никак не реагируя на плохую погоду. Солдаты и офицеры стояли без оружия — оно уже было сдано на склады РАВ округа. По слухам — и оттуда вывезено в авральном порядке.

Перед строем дивизии — теперь уже бывшей — одиноко возвышалась фигура полковника. Он не поднялся на трибуну, где, ощутимо нервничая, топтались столичные гости, а стоял перед строем просто на асфальте плаца.

Команда!

По шеренгам прошло движение, они подтянулись. Головы стоявших повернулись на фланг, откуда, чеканя шаг по плацу, показалась группа наших знаменосцев.

Они встретились почти на середине плаца — лейтенант Овчаренко, два сержанта, несшие наше Знамя и три человека из кремлевской роты почетного караула. Их легко узнали по форме — видели не раз в телевизоре. Надо отдать должное, ходить они умели — нашим ребятам до них... как до Пекина ползком.

Я не знаю, есть ли какой-то специальный ритуал для таких вот случаев. Наверное, есть. Как бы то ни было, кремлевцы все сделали на ять! Четкие, выверенные движения — ни одного лишнего жеста. Красиво... если не вдаваться в суть происходящего.

Но четкий ритуал поломал Батя.

Внезапно, отстранив рукою кремлевца, он сделал шаг вперед. Коснулся рукою плеча знаменосца, попридержав Овчаренко. Грузно опустился на колено и зарылся лицом в тяжелые складки стяга.

Плечи его дрогнули — мне это было хорошо видно.

Секунда... вторая... и на колени опустилась первая шеренга. Вторая... третья... на плацу не осталось ни одного стоящего человека, кроме знаменосцев. Лишь на трибуне притоптывали ногами озябшие на ветру столичные гости.

На плацу воцарилась мертвая тишина...

Я больше не встречал Бати. В моей памяти он навсегда остался таким — пожилой офицер с обветренным лицом, стоящий на колене перед дивизионным Знаменем...

*Выдержки из интервью президента России
радио «Эхо Москвы»*

— Что же касается пресловутого «вспомогательного корпуса», то, откровенно говоря, я не понимаю этого ажиотажа вокруг обыкновенного полицейского подразделения.

— Но, простите, господин президент, вокруг него ходит столько слухов! Их снаряжение и вооружение...

— Кстати, вполне типичное и стандартное снаряжение по меркам развитого мира! Это, если хотите, западный ОМОН! Только гораздо лучше обученный и не страдающий излишней жестокостью. Хочу официально развеять все домыслы, которые сложились в отношении этих честных парней! Они не состоят на военной службе ни в одной стране!

— А в полиции?

— Тоже не состоят. Корпус не подчинен никакому министерству или ведомству. Это обычные контрактники, каких немало и в нашей армии. Они выполняют работу по поддержанию правопорядка. Под контролем местной полиции, хочу особо это подчеркнуть! Так было везде! Этот корпус работал в бывшей Югославии, Косово, Ираке и Афганистане. Они зарекомендовали себя с самой лучшей стороны!

— Но кто же командует корпусом?

— Официально во главе корпуса стоит генерал-майор Роберт Макфарлейн. Но здесь функции командира исполняет полковник Айвен Коссовски — тоже славянин, кстати говоря! Дело в том, что подразделения корпуса в России очень малочисленны — всего три тысячи человек. Они прикомандированы к территориальным управлениям внутренних дел. Без их санкции никаких действий предпринято быть не может — это совершенно невозможно!

— Но чем вызвано появление у нас этого подразделения?

— А кто, как не вы, имею в виду — пресса, прожужжал мне все уши с требованием некоррупцированных и никак не связанных с местной властью независимых полицейских? Где, по-вашему, мы должны их взять? Вытащить из жилетного кармана? Так я не фокусник! Напоминаю — у нас идет война! Да-да, я не оговорился! Именно что — война! Война с преступностью и коррупцией! Хорошо, что нашлись люди, согласившиеся оказать нам бескорыстную помощь! Международные полицейские силы известны уже давно и успешно решают задачи, связанные с обеспечением правопорядка в разных странах.

— В рамках местного законодательства?

— Напоминаю вам, что Россия подписала ряд международных договоров. В том числе — и в рамках борьбы с преступностью. А в этом случае международные договоры имеют приоритет перед национальным законодательством. Хотя большинство наших законов, слава богу, уже вполне соответствуют общепринятым нормам. Дума проделала большую, достойную похвалы работу в этом отношении.

— Имеет ли корпус какую-либо специальную технику? Средства контроля?

— Разумеется. И всегда готов оказать любую помощь местной полиции всеми имеющимися в его распоряжении силами и средствами. Исключительно — по просьбе местного руководства органов охраны правопорядка. Во-

обще говоря, не понимаю! Столько лет наши улицы патрулировали солдаты внутренних войск — и это никого не удивляло!

— Но это были наши войска...

— Были. Теперь это международные силы. Увы, но в стране не хватает денег на самое необходимое! Содержать столь масштабные вооруженные формирования нам, к сожалению, не под силу, увы... Или, по-вашему, мы должны были оттолкнуть руку помощи, столь любезно протянутую нам нашими партнерами?

— То есть, если я вас правильно понял, господин президент, силы корпуса у нас расквартированы временно?

— Да. Само собою разумеется! Выполнив свою миссию, они уйдут домой.

— Спасибо, господин президент! От лица миллионов наших радиослушателей, благодарю вас за столь обстоятельное интервью!

Сразу же за этим выступлением Накатникова, в СМИ развернулась целая кампания по освещению деятельности корпуса. Мобильные бригады операторов выезжали с ними вместе на досмотры и задержания. Показывали героическое поведение «помогальников» при столкновениях с вооруженными преступниками. С большой помпой прошло объявление о найме на работу в корпус наших граждан. Правда, по условиям контракта, они должны были работать вне пределов страны. Таковые желающие отыскились — и в изрядном количестве. Телевидение тщательно отслеживало все перипетии трудоустройства добровольцев. Большинство из подавших заявления во вспомогательный корпус, действительно, на работу взяли, и теперь на телевидении даже шла специальная телепередача — «О наших ребятах». Она целиком и полностью была посвящена работе наших парней где-то в Ираке или Афганистане. Надо отдать должное телевизионщикам — репортеров туда они подобрали грамотных, операторы свое

дело знали неплохо. Так что кадры выходили — очень даже качественные.

«Помогальники» тихой сапой снова замелькали на улицах крупных городов. В глубинку они не совались — там народ жизнью битый, не один раз ученый, наивностью не страдающий и ко всему, что льется в уши сверху, традиционно относящийся скептически. А уж если всё это ещё и по телевизору расхваливают... то дело шло совсем туго.

Словом, на периферии «помогальники» не прижились. Но, надо думать, как раз туда они не особо и стремились. Вот крупные города — это была зона их повышенного внимания. Да и СМИ там действовали гораздо эффективнее, чем в глубинке.

Надо сказать, что и хитрые фокусы с телевидением, а точнее — с телевизорами, там тоже не прижились. «Умный» телеприемник попросту выносился в сарай и орал там на полную громкость, распугивая живность. Население враз просекло выгоду от снижения платежей за электричество.

Вообще говоря, эта идея и в городах-то не сразу пришла ко двору.

Нет, подавалось-то это все (во всяком случае, сначала) как мера прогрессивная. Мол, будем отслеживать интересы телезрителей и соответственно им формировать сетку телепередач. Для этого телевизоры стали снабжать устройством обратной связи. Сей агрегат фиксировал — кто и какие передачи смотрит. И как долго.

Не прокатило — народ смекнул, что независимо от того, кто и что смотрит, на программу телепередач это никакого влияния не оказывает. Тележурналист, раскопавший и обнародовавший сей факт, в одночасье стал знаменитостью. (И через три месяца его до смерти забила какая-то гопота...)

Власти почесали в затылке (может быть, и ещё где-нибудь) и выдвинули новую версию. Мол, надо всемерно повышать уровень политической грамоты населения.

Партий у нас нонеча расплодилось до фига, надо же знать — за кого голосовать собираетесь? И для того, чтобы приохотить народ к повышению уровня политической грамотности, стали бесплатно раздавать специальные телеприемники. Данное навороченное устройство уже совершенно конкретно фиксировало факт прослушивания новостей. Только это — и ничего более. (Во всяком случае — именно так и заявлялось.) Для заманухи и придумали фокус со снижением выплат за электроэнергию. Как раз эти цены в очередной раз и повысили — прямо как по заказу...

Мол, если ты неактивный и аполитичный гражданин — то и скидок тебе никаких не положено. Орды всевозможных комментаторов и аналитиков наперебой изобретали все новые и новые доводы в пользу очередного нововведения властей. Население реагировало вяло, и тогда телевизоры и вовсе стали раздавать даром. Благо что старые, в связи с переходом на новые стандарты вещания, перестали функционировать совсем. Нет, работать-то они работали... только вот картинки в них не было. Да и звук пропал. Подав это как отеческую заботу, президент распорядился бесплатно менять старые телеприемники на новые. Денег на это не хватало — пришлось в очередной раз урезать армейский бюджет. Что, в конечном итоге, важнее — мифическая военная угроза или забота о политической грамотности населения? Даже сравнивать смешно!

А поскольку агонизирующая (благодаря неустанным трудам некоторых государственных органов) отечественная промышленность с таким важным делом не справлялась, заказ закономерно передали на Запад. Частично телевизоры собирали и у нас — на филиалах тех же западных компаний. Само собой, контроль там установили... муравей не проползёт!

Но, так или иначе, А с заказом справились. Вскоре разноцветные хитромудрые зомбоящички появились в каждой (ну, это так декларировалось...) квартире.

Для начала у большинства из них поотключали динамики. Ага... таким умникам пришел стандартный счет за электричество. Пришлось чинить. Не проехал и номер с затыканием динамика подушкой — этот шаг производители техники учили. Сообразили, стало быть, в какой стране живем... Более того, на некоторых, особо умных, подали в суд. И впаяли нехилый штраф (для начала), пообещав в дальнейшем его сильно увеличить. Предлог нашелся — преднамеренная порча государственного имущества. Во как! Раздавали-то эти ящички за чей счёт? Правильно, за государственный! И раздавали не за просто так — поставляли устройство для быстрого и своевременного оповещения населения в случае чрезвычайных ситуаций! Пресловутые радиоточки поотмирили (за ненадобностью), а вот телевизоры этого делать пока не собирались. И, стало быть, ломать эти зомбящички («...вносить в конструкцию изменения, препятствующие нормальной работе аппаратуры оповещения...») — никак нельзя: федеральное правонарушение (хоть не преступление — и то хлеб!) Оказывается, у нас даже и закон соответствующий успели принять! А что? Зомбящик говорит?

Да.

Громко?

Да уж...

Включен постоянно?

Ну... почти...

А то, что он ещё и картинки показывает... так это забота о населении! Чтобы не скучали, стало быть...

В общем, жить стало «весело». Во всяком случае, так нам неустанно внушали с экрана. Не могу сказать, что везде всё шло одинаково гладко. В некоторых местах у нынешнего президента происходили обидные обломы: ну, никак не хотели отдельные несознательные граждане (да чего там — целые районы и города!) благодарно проникаться всеми теми нововведениями, которые щедрой рукою насаждались из столицы. «Продвинутые» менеджеры,

прибывая в иной городок, очень быстро убеждались в том, что их многомудрые указания попросту игнорировались. Не помогали никакие «десанты» из центра, грозные указовки — ничего! А несколько вызванных «на ковер» мэров городов... попросту никуда не поехали. И ничего не напишешь — должность-то выборная! Их, разумеется, сняли — такое вопиющее нарушение субординации не могло пройти безнаказанным! Причину для этого нашли быстро — наверху тоже сидели не полные лопухи! Но снятых таким образом мэров повторно переизбрали — косное и «непродвинутое» население стояло за них горой. Тут уже пришлось зачесать в затылке многим властным деятелям — что-то складывалось неправильно.

Правда, все эти случаи по зомбоящику освещались глухо — не вписывались в общий радужный настрой. Столкнувшись с тяжкой реальностью жизни, множество «менеджеров» попросту сломались. И закономерно спились, благо что водку и иные горячительные напитки снова стали продавать круглосуточно. И по фантастически доступным ценам — что ж не пить-то? «Боевыми» эти потери назвать было трудно, хотя «десант» усох почти на треть. Пришлось срочно вызывать новых... и опять кто-то спился... Словом, жизнь у приезжих менеджеров, тоже стала далеко не сахарной. Хотя и весёлой. Ну, так кто-то ж нам именно такую и обещал?

Вот и живем... как можем. Я, например, после ухода из армии пошёл шофером работать — не устраивал меня категорически размер будущей пенсии. Да и не привык что-то дурака валять, натура работы просит. А здесь все знакомо и привычно — приходилось в своё время калымить по ночам. Как раз тогда Наташка родилась, денег не хватало, вот и начал я на стареньком жигуленке по улицам рассекать.

Да... было время. Молодой ещё был, наивный, планы всякие строил. Мечталось мне увидеть её красивой да на-

рядной. Вот и увидел... спустя пятнадцать лет... когда хоронил их обеих, вместе с Ириной.

В тот день, обычный майский день, теплый и солнечный, полиция проводила какую-то плановую операцию по зачистке очередного наркопритона. Как на грех, располагался он в доме напротив. В квартире одного оттопыренного «сыночка». Вечно кайфующего великовозрастного мажора. Кем уж там был его папа — бог весть, но отпрыск вырос очевидным отморожком. Вел себя предельно нагло, свою машину — серебристый «Лексус», ставил как попало, подчас напрочь перегораживая проезд всем остальным водителям. Мог в три часа ночи врубить на полную мощь музыку... да много чего ещё мог. Участковому жаловаться было бесполезно, он этого типа за версту обходил, не желая конфликтов с папашей — видимо, знал, кто это такой. Так что двор мстил отморожку как мог. Прокалывали «Лексусу» шины, били фары. Машину увозил эвакуатор, несколько дней баран сидел тихо. Потом у него снова сносило крышу от дури... до следующего акта народной мести.

Поэтому, когда народ узнал о полицейской операции, во двор высыпало все окрестное население — посмотреть на то, как ненавистного мерзюка пихнут мордой в асфальт. Под возможные выстрелы никто благоразумно не лез, благо что палить эти дебилы начали тотчас, стоило только полицейским позвонить в дверь.

Вот и стояла в отдалении толпа, посматривая из-за укрытий на будущее поле битвы и с интересом разглядывая приготовления полицейского спецназа.

А мы все тогда возвращались домой — как раз ездили в магазин, Наташке обновки покупали. Во двор нам заехать не дали, полицейский жестом приказал припарковаться в стороне. Ладно, чего уж тут... не графья, и пешком дойдём. На столпотворение особого внимания никто из нас не обратил.

Потом уже выяснилось, об этом даже и в газетах писали. Почуяв ежовую рукавицу у себя на... словом, в деликат-

ном месте, отморозок позвонил своим друзьям и потребовал помощи. Они, надо полагать, были дебилами, ничуть не меньшими, чем их товарищ. А дурных примеров у нас и в то время хватало.

Прихватив оружие, эта троица таких же безбашенных ублюдков рванулась на помощь.

Они подъехали почти сразу за нами. Остановив машину прямо посередине дороги, первым же выстрелом завалили регулировавшего движение полицейского. Выскочив на улицу, один из них вскинул на плечо гранатомёт и пальнул по спецназовцам. Точнее, по их автомобилю.

Что удивительно, он попал. Машина рванула так, что в окрестных домах посыпались стекла. Чего уж там у полиции было...

Спецназ бросился врассыпную, но огня не открывал — за спинами отморозков стояли люди. Прибывшие на помощь мерзавцы, скорее всего, именно на это и рассчитывали. Ободрённый удачным примером своего товарища, второй помощничек запустил в сторону полицейских гранату, и она рванула где-то недалеко от бойцов в черной форме. А вот замахаясь для повторного броска, он гранату не удержал. И она полетела... назад. Прямо под ноги обалдевшим от неожиданности случайным участникам этой драмы.

Мне тоже прилетело — осколок прошел по касательной вдоль виска. Но это все хрень, а вот другие огребли куда как серьезнее. Народ повалился, как трава под серпом. Причем многие были скошены в самом прямом смысле. Осколками. Вот тогда и досталось моим...

Воспользовавшись тем, что все люди попадали на землю, спецназ открыл огонь. Все кончилось за несколько секунд. Станным образом кто-то из прибывших на помощь отморозков успел выстрелить ещё раз. Из гранатомета — их они привезли штук шесть. И граната (бывают же такие

совпадения!) попала точнехонько в то окно, откуда махали руками осаждённые наркоманы... Там, наверху, потом долго пытались выяснить, как такое могло произойти. Даже какие-то инсинуации на тему спецназа высказывались... Население опрашивали — но все мордой в асфальт лежали, никто ничего и не видел. Так и не разобрались — списали на неопытность наркош в обращении с оружием.

А с командиром полицейского спецназа я после этого случая подружился. Мужик он оказался правильный... и понимающий. Наблюдательный и внимательный. Долго копать не стал, да и другим не дал.

Но жить в опустевшей разом квартире... стало невыносимо тяжело, оттого и пропадал я на службе целыми днями. И во всякие командировки напрашивался, благо что в последнее время их тоже хватало.

Страну лихорадило. Соответственно трясло и армию — мы ведь часть страны или как? Приходилось мотаться туда-сюда с самыми неожиданными и непривычными задачами. А уж после расформирования части и увольнения в запас, пересев за баранку автомобиля, я и вовсе не появлялся дома по несколько дней.

Как-то уже и привык, даже втянулся... И вот вам здравствуйте — пенсионер!

Времени стало больше.

А вот денег — меньше, все-таки моя зарплата как водителя пенсию превышала здорово. Но много ли нужно одинокому мужику?

Как выяснилось — много.

И на все, естественно, не хватало. Ещё хорошо, что многочисленные положенные пенсионеру болячки как-то счастливо обошли меня стороной. Нет, честно заработанные на службе шрамы и прочие подарки никуда не делись. Но и не особенно беспокоили. Что являлось несомненным плюсом в данном положении.

Ну а раз так, надо использовать второй плюс — появившееся в избытке свободное время.

На что его обычно использует среднестатистический пенсионер?

Правильно — ходит по друзьям.

Ну раз есть такая возможность — начнем.

Друзей за время долгой службы накопилось предостаточно, на здоровье я пока не жаловался, новомодными «продвинутыми» (интересно, куда...) диетами и рекомендованными «современными» продуктами не увлекался, от того и был вполне себе в состоянии совершать длительные переходы. Даже и нетрадиционным ныне методом, то есть пешком, попросту говоря.

Почему так?

Да как вам сказать...

Оплата проезда у нас везде (ну, или почти везде...) ныне производится через социальную карту. Удобно? Несомненно — не надо с собою всякую мелочь таскать.

И государству удобно.

В любой момент можно проверить — а куда это катается данный гражданин? Как часто и по каким дням?

Можно и коррективы определённые внести в его поездочки...

Впервые этот фокус применили во время некоторых митингов, которые пришлось кое-кому не по душе своими патриотическими лозунгами. Ладно бы требовали узаконить однополые браки — это, в конце концов, даже модно. «Прогрессивно», так сказать... А тут... Какой-то «ползучей оккупацией» пугать вздумали! Как на это наши западные друзья посмотрят? Нет, таких вещей допускать нельзя! Отчего-то (знать бы, отчего...) некоторые направлявшиеся туда граждане не смогли оплатить проезд. И потому остались стоять на остановках, недоуменно разглядывая свои социальные карты и с тоской глядя вслед ушедшему автобусу.

Такой же фокус повторился и со вторым, с третьим...

В итоге, на митинг пришло гораздо меньше народу, чем было заявлено.

Власти что-то пробурчали, объяснив данное «досадное недоразумение» сбоем в компьютерной сети.

Когда же такие «недоразумения» стали повторяться часто, пришлось им, почесав в затылке, изобрести какую-то группу доморощенных хакеров, которые-де ставят перед собой задачу всемерно напакостить мирному населению. И для этого устраивают такие вот бяки. Очень, надо сказать, вовремя устраивают... словно по заказу.

Мы якобы поверили. И выводы соответствующие сделали — каждый свои.

А во мне пробудилась тяга к пешим прогулкам. Кстати говоря, не только у меня такие странные «атавистические» наклонности обнаружились. Общность интересов, пусть даже и в прошлом, она, знаете ли, многому способствует...

Правда, когда я говорю «пешим», не следует воспринимать данные слова слишком уж буквально. Нет, ногами мы, разумеется, пользуемся — это так. Сходить за пару кварталов — чайку попить с товарищами — самое милое дело. Тут никакого автобуса и не надо.

Но топтать пехом от Москвы, например, до Можайска... или до Дмитрова — это уже совсем невеселые прогулочки выйдут! Нет, дойти-то, дойдём — и не на такие маршруты выходили, было времечко... Только удовольствия себе поубавим существенно — все ж не на соседнюю улицу шагаем.

А вот велосипедисты и водители скутеров по сей день у нас приравняются к пешеходам — им даже прав на управление не требуется. Да и номера таким агрегатам не положены. Нынешняя дорожная полиция унаследовала от ГАИ стойкое презрение к подобным «пародиям» на автомобилистов и демонстративно их игнорирует. Взять с них нечего, оштрафовать... ну, в принципе, можно. Если у него есть с собою документы, позволяющее четко идентифицировать эту самую нахальную личность. А их они с собою не носят — не полные же лопухи? Можно, правда, и иными способами выяснить, кто это тут перед тобою стоит? По базам пробить, фото для опознания отыскать... Только вот

геморроя с этим... всё равно что кошку на шерсть стричь. Шуму и нервов много, а толку — фиг...

Так что транспорт сей — очень даже штука полезная оказалась... И если велосипед в городе — вполне себе вещь актуальная и нужная, то вот для путешествий на длительные расстояния — тут что-то поинтереснее отыскать надобно. Так и пересели некоторые «пенсионеры» на скутеры... и стали невидимками для госорганов. Никак передвижения таких «игрушек» не отслеживаются, номеров у них нет. Заправляется этот агрегат редко, да и пятилитровую канистру всегда есть куда присобачить. Впендюрить туда какую-нибудь хитрую штуку для слежения... ну, это *очень* вывернуться надобно — места здесь немного.

Слежение же в наше время стало очень даже модным занятием. Уж и не говорю про интернет — тут и вовсе никто ничего не скрывает. Да и не сможет, даже если очень сильно захочет. Всякие мобильные телефоны и прочая лабуда подобного рода данную функцию (определение местоположения) нынче имеют в качестве неотключаемой опции. Разумеется, всё это подаётся в красивой упаковке. И «скорая» за вами быстро приедет, ежели что. Да и полиция подоспеет на помощь в случае необходимости. Опять же — страховые компании за водителями смотрят. Есть теперь в договорах любопытный пунктик... Ну, а уж за должниками и всяческими «правонарушителями»... тут и вовсе — туши свет, сливай вода!

И банальную прослушку разговоров никто, разумеется, отменять не стал. Как это — в «демократическом»-то обществе, да без этого? И следим, и слушаем — всё для вашего же блага! Мало ли... А вдруг какие-то злокозненные личности бяку задумают против наших добровольных помощников? Жуть-то какая, даже и подумать страшно! А власть — всегда наготове! Всё для вас, для неразумных... днями не спим...

Эти фокусы упрямое население просекло быстро, и меры противодействия придумали — истинно в рус-

ском духе. Никто не стал крушить ломом ретрансляторы сотовой связи и резать ножом оптоволоконные кабели. Зачем? Но вот эзопов язык распространился по сети практически одновременно. Да и прочие штучки в нашем духе...

Представляю себе несчастного контролера, пытающегося переварить своими рафинированными мозгами абсолютно непонятные этому уму намеки и междометия, которыми стали часто усеивать свои разговоры и послания многие обитатели сети. И все поголовно свои сообщения шифруют — а как же, хакеры! Не зря же о них столько пишут? Вот прочтут — и упрут мой любимый мопед! Да и кроме того...

Всякая система автоматической расшифровки текстовых сообщений априори считает своего оппонента человеком грамотным. Составители словарей таких программ добросовестно отсканировали и оцифровали тонны всевозможных справочников и словарей. Поэтому определить, что под абракадаброй скрывается, например, словосочетание «ракетный крейсер» — программа может. Пусть и не сразу, не в режиме реального времени, но это она умеет. На здоровье... возьми с полки пирожок.

Но вот расшифровать, что скрывает в себе текст: «Пропрусь выгуливать кораву»... Здесь мозги компьютера начинают закипать. Что это за странная такая «корава» — машина не понимает. Обычный гугловский поисковик моментально подставит туда вариант — «корова». И будет прав. НО! Программа-расшифровщик таких вольностей не допускает. Логика её построения подсказывает — автор текста написал именно *это* слово и никакое другое. Вот и отправляет программа это сообщение своему оператору — читай, мол, сам. Человек — тот, скорее всего, поймёт. Просто интуитивно подставит нужную букву и ни в какой справочник не полезет. *Русский* — не русскоговорящий. Но он должен *сам* это сообщение прочитать. И тогда ни о какой оперативности обработки данных даже и речи не будет

просто по определению. Компьютер заваливает оператора сотнями таких сообщений ежечасно...

Так что «работай, негр — солнце ещё высоко!». С зубовым скрежетом садились по утрам за свои столы сотрудники спецслужб. Оттуда, кстати говоря, тоже народу ушло предостаточно. Некоторые — сами, прочих ненавязчиво «попросили». Иные у нас ноне цели, так и народ теперь немного другой для них нужен. Особо зубастые профессионалы пополнили ряды пенсионеров или ушли работать в коммерцию. Уж где-где, а там всегда подобные люди требовались. Ничего — набрали новых. Вот уж им-то я не завидовал...

Да и никто им не завидовал — нечему. Работы там и раньше хватало, а уж сейчас-то!

И хотя по зомбоящику непрерывно крутили сериалы, прославляющие «героическую» работу полиции и спецслужб, положения это сильно не меняло. Бравые и аккуратные парни «мужественно» разоблачали коррупционеров и боролись с многочисленными террористами. Правда, большинство этих «террористов» отчего-то вдруг стали носителями явно патриотических (по-нынешнему — имперских) идей...

А куда же делись прежние, вполне реальные террористы?

Да никуда они не делись — живут и здравствуют. Только вот... нетолерантно это — «борца за свободу» террористом называть... Постоянно талдычившие с голубых экранов различного рода правозащитники неустанно напоминали нам всем о том, какими жестокими способами подавляла прежняя власть их героическую «борьбу». Но поскольку свято место пусто не бывает, освободившуюся нишу заняли «имперцы». Вот уж где политкомментаторы не стеснялись...

И что же стало с этими бывшими «борцами»?

Понятное дело, что терпеть их далее власти не собирались. Однако же и прежними методами с ними бороться

уже тоже было нельзя — «недемократично». Вот и стали воевать по-американски — дали денег. Власти не дали, зато деньжат отсыпали. Но не поровну! Одним — чуток побольше, другим — малость поуже досталось.

Похмелившись опосля победной эйфории, главари это быстро просекли. И набычились — отчего так? Им мягко намекнули — мол, согласно личной крутости дадено. Ах, так?! Выходит, что негодяй Махмуд, вчера хвосты ишакам крутивший, воин покруче меня?! Ну я ж ему...

И вчерашние соратники азартно вцепились друг другу в глотку. Спецслужбы этому не мешали, с интересом наблюдая за взаимными терками. Подбрасывали денег и снаряжения, дабы столь полезный азарт не угасал. Многомудрые западные советники приняли в данной операции самое горячее участие. На какое-то время все эти «борцы» исчезли с экранов, всецело занятые собственными разборками.

Обрадовавшись, снова подняли голову обычные уличные гопники. Спецслужбам и полиции было явно не до них — гоняли вымышленных «имперцев». Там, где их отчего-то не нашлось, провели разъяснительную работу эмиссары из центра. Не всегда успешно, но кое-чего достичь им всё же удалось.

Заработал старый, хорошо проверенный метод — «назначить виновного и показательно его наказать». Вот уж тут-то сбоев не было! Доказательства — да какие угодно! Хоть распечатки разговоров, хоть собственноручно написанные показания — всё, что хотите! Наука ныне до каких только высот не дошла...

Следует ли удивляться тому, что огромное количество «имперцев» составляли бывшие военные и сотрудники спецслужб?

«Общественность» потребовала — и президент, идя навстречу её пожеланиям, обеспечил широкий «общественный» контроль за действиями полиции. Теперь, чтобы посадить обыкновенного уличного воришку, нужно было

производить операцию, по своим масштабам соизмеримую с задержанием крупного наркобарона. Чем-то приходилось в этом случае жертвовать... в полиции у нас народу всегда не хватало. Да и денег мало... А ещё и общественный контроль за каждым шагом, не шибко разгуляешься-то. И почесав в затылке, полиция избрала самый логичный путь. Какой-то там наркобарон... да кто вообще его видел? Может, и нет никакого барона вовсе. А воришка — вот он, только вчера сумочку у прохожего выхватил! Ату его! И наваливалась правоохранительная машина всем своим весом на несчастного наркошу...

Население довольно, общественность действия полиции горячо поддерживает. И правозащитникам хорошо — есть на ком оттачивать своё красноречие, обличая пороки общества, приведшие на скользкий путь бедного парня. Можно выступить в суде, гневно сверкая очами и потрясая в воздухе руками. Можно демонстративно передать гуманитарную помощь семье несчастного преступника (жутко опухшей со вчерашнего перепоя).

Словом, сложившееся положение многих устраивало. Были, правда, и недовольные. Те, кого грабили на улицах эти самые «несчастные». И те, чьим детям поставлял наркоту обрадованный подобным поворотом дела наркобарон. Ну да, всем ведь не угодишь? Всегда кто-то чем-то будет недоволен. Так что на такие отдельные «выкрики из зала» телевидение особого внимания не обращало. Тем более что соответствующая позиция властей до руководства телеканалов была своевременно доведена.

В общем, маразм крепчал...

Вот и работаю я сейчас рулем своего скутера, объезжая очередную пробку на Дмитровском шоссе. Этот неприменный атрибут наших дорог тоже никуда исчезать не думал. Широко разрекламированные платные автострады никакого облегчения в этом вопросе не внесли. Хотя бы и потому, что представляли собою абсолютно те же самые дороги, что и раньше. Ну да, фонарей добавили, это факт.

А ещё поставили будки контролеров, исправно взимающих плату за любование этими новшествами.

Но я, как и большинство несознательных пенсионеров, поддерживать своими кровными неведомо кого не стремлюсь. И оттого объезжаю контрольный пост по узкой тропке. Она хорошо наезжена, того и гляди уже асфальтировать пора. С этим явлением боролась. Сначала по телевидению долго объясняли всю неправомерность подобных действий — мол, неправильно и некрасиво. Эффект оказался прямо противоположный ожидаемому — народ, увидев знак платной дороги, первым делом искал объезд. Родился и окреп бизнес — указание такого объезда за небольшие (по сравнению с платой за проезд) деньги. Все попытки его пресечь никакого успеха не имели — таким делом занималось практически все население прилежащих деревень. Тропки стали перекапывать экскаваторами. Сначала их терпеливо засыпали назад. Потом... а потом стали гореть экскаваторы и тракторы... Полиция только руками разводила — народу мало, за более серьёзными преступниками еле гоняться успеваем... С большой помпой поймали и показательно осудили нескольких поджигателей. Сроки отвесили весьма серьёзные, мало не показалось никому. Польшнули жарким пламенем офисы дорожных контор. Кое-где — так и с «менеджерами». Не успевали, бедные, выскочить... двери отчего-то не открывались... Аккурат в тех местах, где проживали посаженные «объездчики». Это уже было куда как серьёзнее, и власти сочли за лучшее просто закрыть глаза на такие «мелочи», как объездные тропки. И теперь я иногда объезжаю на таких тропинках даже грузовики. Но звоночек прозвучал серьёзный... понимающие люди приняли это к сведению.

Вот и асфальт. Съезд на шоссе заботливо подсыпан и утрамбован. Скутер резво прибавляет скорости и, пофыркивая мотором, вписывается в поток автотранспорта. А за моей спиной уже выбирается на дорогу новенькая иномарка.

Собственно говоря, я уже и не понимаю — что считать за таковую? Пресловутый «ВАЗ» давно уже принадлежит не пойми кому, иностранцев среди его владельцев столько, что и продукцию данного завода тоже можно считать за иномарки. Да, качество выросло — и существенно. Цена... она тоже на месте не стояла, эдак и отстать от прогресса можно однако. Среднестатистическому пенсионеру не прожить, хоть ты вывернись, столько, чтобы выплатить кредит за такую попку.

А ездить на старье... вообще-то можно. Только дорого очень, такие машины облагаются драконовскими налогами — портят экологию. Данному вопросу ныне уделяют прямо-таки первостепенное значение. «Зеленые» стали очень влиятельной партией — без согласования с ними ныне даже сортира на участке не поставит. Ей-богу, не вру! «Общественного» инспектора «зеленых» выпереть за дверь практически нереально — придет назад с полицией. Ну да, она тоже обязана им помогать. Ага, вместо того, чтобы гопоту гонять... И за любое согласование действий с «зелеными» — будь добр заплатить. «Добровольный» взнос на охрану окружающей среды. Офигеть...

Нам-то все равно, подобная мелочь их не очень-то пока интересует. А вот вокруг любых предприятий они вьются, как мухи над известной субстанцией. Тридцать три раза пофиг, что его построили по всем стандартам — всегда что-нибудь найдут. И ошавевший предприниматель сто раз пожалеет, что построил завод, а не очередной супермаркет — к таким заведениям претензий, как правило, не бывает.

О, вот и привычное явление нарисовалось — проверка автотранспорта дорожной полицией. Здоровенная фура стоит у обочины, а перед нею сгрудилась небольшая кучка — двое полицейских и трое гражданских лиц. Понятное дело — вытащили водил на улицу и вдумчиво их трясут.

Оп-па, а это что я вижу?

Однако же... вот это я попал...

Быстрый взгляд по сторонам — на шоссе пусто. Ну да, ещё слишком рано... А вон тот, третий, он явно не из водил. Точно... вот что называется глаз-алмаз! Мастерство не пропьёшь! Окинув меня демонстративно безразличным взглядом (подумаешь, какой-то там тип на скутере...), мужик поворачивается ко всем остальным участникам разговора. Здесь шоссе делает поворот, основная дорога идет левее, а на второстепенной, чуть отъехав от поворота вниз, стоят автомашины. Мне хорошо видно всех участников этого действия, нас разделяет всего полсотни метров.

Прибавив газу, разгоняюсь и, набрав скорость, выключаю зажигание.

Разом обрывается негромкое фыркотание движка. Только шины негромко шуршат по асфальту. Поворачиваю направо.

Ещё десяток метров...

Полицейская машина припаркована вплотную к грузовику, виден только уголок бампера и половинка фары. Почти совсем скрытые от глаз проезжающих, водители-дальнобойщики стоят перед капотом фуры. И смотрят на полицейских и дорогу за их спинами. Именно поэтому они и замечают меня первыми.

Старший — седовласый коренастый мужик, молча смотрит на приближающийся скутер и никак на это не реагирует.

Зато второй — жизнерадостного вида парень — удивлённо вскидывает брови.

Это его движение не остается незамеченным. Тот самый тип в гражданке, внимательно следящий за водителями, уловив движение молодого, реагирует первым — разворачивается в мою сторону, одновременно задирая полу своей куртки.

Щас...

Скутер, хоть является жалкой пародией на настоящий мотоцикл, весом кое-каким всё же обладает. Да и сидит на нём восьмидесятикилограммовый мужик, который тоже

на хилыка не очень-то похож. Суммарно набирается килограммов под сто двадцать. Да на скорости... Тот ещё подарочек прикатил... ежели такая штука долбанёт — на ногах устоять не судьба.

Исключения не произошло и на этот раз.

Дюже резвый гражданский первым под такой удар и попал. А поскольку стоял он почти вплотную к одному из полицейских — на землю покатались оба.

По логике вещей, туда должен был навернуться и я. Ну, так то по формальной логике... спецназ по ней не живёт. Даже находясь в запасе.

Словом, на ногах я устоял, даже особо не напрягаясь — тело помнило прошлую науку. И оказалось это очень кстати, ибо второй патрульный бросил пудрить мозги дальнотбойщикам и схватился за кобуру.

Учат вас, учат... а толку?

Стряслось что-то нештатное — меняй позицию! Потом уже будешь за оружие лапать... если ещё будет, чем...

Разворот на левой ноге — правая, распрямляясь, выстрелила вперед резким толчком.

А на ногах, между прочим, армейские берцы... крепкая обувка, кто в курсе. И массивная — так уж получилось. Так что ежели таким лаптем по чану съездить — мало не будет.

Описав в воздухе кульбит, шлепнулся на землю выбитый пистолет. Всего на чуток опередив своего хозяина.

Вот и славно!

А первые двое как поживают?

Гражданский уже не поживал, точнее — доживал. В падении он приложился виском о внушительный бампер грузовика.

Первый же полицейский ворочался на земле, пытаюсь встать. Ты глянь — и этот за стволом полез! Ну, на левой ноге у меня такой же лапоть, что и на правой — показать? И подошва у него очень даже прочная. Если по дереву постучать, так звук выходит — загляденье!

Правда, голова патрульного явно оказалась не деревянной — звук вышел смазанным и неярким. Лыцу себя надеждой, что клиент этого не разобрал — не до того ему нынче... А то, понимаешь ли, обидно! Пыхтишь, удар отрабатываешь — а хорошего звука никак не получается. Увы... нет в этой жизни совершенства.

— Блин... — потрясенный увиденным, молодой водела только головою помотал. — Пипец... попали мы теперь...

— Куда ж это? — язвительно интересуюсь я, поднимая с земли упавший «глок». Хорошая машинка, между нами говоря. Патрон мощный, да и магазин емкий — такая штука никакому пенсионеру лишней точно не будет.

— Ежели у тебя с ними какие терки есть — так и решал бы их сам! — взрывается молодой. — Нас-то за каким хреном приплетать? Ты сей момент в кусты свалишь, а нам теперь что делать?!

— Оптимист... — фыркаю в ответ. — А ты, стало быть, собрался и дальше ехать, так мне тебя понимать?

— Собрался! И что? — вызывающе хорохорится он.

— Товарища своего спросил бы... — присаживаюсь я на корточки, обшаривая карманы нападавших. По очереди отгаскиваю их всех в кювет, чтобы с проезжающих машин не видели лежащие на обочине дороги тела. — Он, чай, не дурнее тебя — однако ж молчит... Отчего бы это вдруг, а?

— Подстава это... — глухо говорит старший водитель.

— Ты чё, Петрович? Какая такая подстава? Это ж полицейские!

— Да? — язвительно интересуюсь я. — А ты не в курсе, милоч, что в этом случае они все в форме должны быть?

— Ну... может этот, — кивает он на гражданского, — и не патрульный вовсе... Опер... или ещё кто...

— Опер? — вытаскиваю у того из-под куртки обрез. — Со штатным оружием, надо полагать?

Именно эту штуку я и засек издали — уж больно не походило данное оружие на служебное снаряжение полицейского. По тому, как, воровато оглянувшись по сторонам, профессионально проверил своё оружие владелец, можно было сделать вывод о том, что подобная вещь ему хорошо знакома и привычна. И работает ею он далеко не в первый раз. Но габаритная хреновина — это не пистолет, его бы я с такой дистанции не засёк. А так, подходя к машине, он его в сумке нес и только перед подходом к собравшимся вытащил его оттуда и под куртку убрал. Здесь-то я его и срисовал...

— Э-э-э... — чешет в затылке молодой. — Как это?

— И багажник у патрульной машины поднят. Она что, так и стояла?

— Да...

— А почему? Не знаешь?

— Дак...

— У патрульной машины видеореги­стратор в салоне стоит. Вот и подняли полицейские багажник, чтобы не было записи о том, что такое они на дороге делали. Спереди — пускай себе пишет — там ничего не происходит. Наверняка, они и в патрульном компе пометку поставили — ремонт, мол, колесо пробитое меняем. Старый это трюк, но вполне себе работающий. И вас они вниз с дороги отпихнули, чтобы проезжающие не так хорошо могли рассмотреть происходящее.

— Так и есть, — соглашается пожилой водила. — Не в первый раз такое происходит, слыхивал я про такие штучки.

— Угу... — обшариваю я второго клиента. — Если в ку­стах поискать — где-то мотоцикл этого типа, что с обрезом, должен стоять. Они его на своей машине сюда привезти не

могли — объясняй потом дежурному, кого подвозил и почему. Оно им надо?

— Так это что ж... — доходит, наконец, и до молодого. — Нас что — убили бы тут?!

— Нет, по головке гладить стали бы да в щеки розовые целовать! — взрываюсь я. — В машине какой груз?

— Бытовая электроника...

— Небось, денег немалых стоит?

— Ну, да...

— И на посту вас наверняка проверяли? Накладные смотрели да пломбы на кузове разглядывали?

— Так... положено же...

— Положено, — согласно киваю в ответ. — Вот они и водителя своего привезли, он опосля разборки с вами машину и отогнал бы туда, куда нужно. А с них — взятки гладки. Не при делах. Вас не тормозили (записи-то об этом нет), не стреляли — все патроны на месте. А что машина пропала... так мало ли их пропадает?

Парень явно растерян. Судя по всему, ему в такие переделки раньше попадать не приходилось. Смущенно замолчав, он оттаскивает в кювет бездыханное тело хозяина обреза.

— Спасибо тебе, мужик! — подходит ко мне Петрович. — Чего уж там... я-то всё понял. А что тут сделаешь? Оружия у нас нет. А монтировкой от пистолета не отобьешься...

— Возьмешь? — протягиваю ему обрез. — Пистолета не предлагаю — он по всем базам уже вечером пройдет. Найдут его у тебя — вилы!

— Не откажись, — серьёзно кивает он. — Дай-ка, этого схожу осмотрю покойничка — поди, и патроны у него есть?

— Проверь. А мне монтировку свою дай. Эти-то двое живы ещё...

— Тут и мы тебе пособим. Что ж я, курва какая — на тебя всё валить?

— А он, — киваю на молодого, — сможет?
— Пусть привыкает! — твёрдо отрезает Петрович. —
Чтобы назад ходу не было!

Да... жесткий нынче народ пошёл... Ну, а что ж вы хотели-то? Как сверху аукнулось — так снизу и откликнулось.

Выдержка из сводки

...Обнаружен патрульный автомобиль № 625-Д. Машина стоит на обочине дороги, ведущей к... Багажник открыт, двигатель заглушен. Радиостанция и контрольная аппаратура в рабочем состоянии. В салоне отсутствует штатное вооружение патрульных полицейских. При проведении поисков в кустах на расстоянии 60 метров от автомашины, обнаружены тела экипажа.

Лейтенант Михеев Игорь Павлович, 1994 г. р., старший инспектор ДПС — убит выстрелом в упор.

Старший сержант Леселидзе Альберт Георгиевич, 1998 г. р., младший инспектор ДПС — убит двумя выстрелами с близкого расстояния.

Судя по характеру ранений и повреждениям на телах и одежде полицейских, выстрелы производились из охотничьего оружия (следы от попадания картечи).

В пяти метрах от места нахождения тел полицейских обнаружено тело мужчины, одетого в черную кожаную куртку, синие джинсы и клетчатую рубашку. При осмотре тела установлено, что он погиб в результате удара тупым твердым предметом по голове (характерная ссадина на правом виске). У погибшего обнаружено водительское удостоверение на имя Гарабия Николоза Михайловича, 2000 г. р.

В ста метрах от места обнаружения патрульного автомобиля, в лесу, найден мотоцикл «Ямаха — спорт» №...

— Заходи, присаживайся! — заместитель начальника УВД Дмитровского района, подполковник Валяев широким жестом указал на кресло вошедшему посетителю.

Им был капитан полиции Ломов, начальник отдела по работе с личным составом.

— Благодарю! — капитан пододвинул к себе кресло.

— Ну, что? Выяснили что-нибудь? — хозяин кабинета посмотрел на тонкую папку в руках визитера.

— Не без того... — тот раскрыл принесённую папку и пододвинул её к подполковнику. — Сразу скажу — дело тухлое.

— В смысле?

— Да во всех. Начнем с экипажа. Они оба уже не раз попадали в поле зрения. В основном — по мелочам. То со связи пропадут надолго, то ещё что-нибудь... Жаловались на них, не без того. Серьёзных подозрений на них не имелось, так... намеки всякие... словом, смотрели мы за ними. Но за руку ни разу не ловили.

— Ну, у меня тут половина сотрудников — не лучше! Даже и похуже есть, будто сам этого не знаешь!

— Знаю, — соглашаясь, наклонил голову визитер. — А вот третий... это совсем другой фрукт!

— И что же в нём такого необычного?

— Бывший боевик, проходил по целому ряду различных эпизодов. Три уголовных дела, подавался во всероссийский розыск. В прошлом году амнистирован указом президента, уголовное преследование прекращено. Между прочим, он сосед погибшего патрульного — Леселидзе. В селении, откуда они оба родом, их дома рядышком стоят. С детства общались, даже дружили.

— О, как?!

— Ну, да... Чем погибший занимался — неясно. При повторном осмотре места происшествия найдена сумка со следами оружейного масла. В ней два патрона двенадцатого калибра. Картечь вперемешку с рублеными гвоздями.

Кстати, оба погибших полицейских поражены именно такими зарядами!

— Хм... так это что же — он их обоих и завалил?

— Не исключено. Только вот кто тогда с ним самим расправился?

— Непонятно...

— Я к смежникам постучался. Проверил этого бывшего боевика. Так тут вообще — дело мутное. Даже и не знаю, как сказать...

— Да уж как есть — так и говори!

Капитан выразительно посмотрел на телефонный аппарат. Подполковник побагровел, встал из-за стола и жестом пригласил гостя с собой. Они оба вышли в коридор.

— Ну?

— Он был близок с людьми из окружения постпреда одной из республик. Ну... той самой, откуда он сам родом.

— Да понял уже...

— Имеется информация, что погибший был причастен к необъяснимым исчезновениям машин с ценными грузами.

— Знаю о таких случаях. И у нас они тоже происходили.

— Ага. Я вот проанализировал некоторые...

— И что накопал?

— А то, что эти машины пропадали во время дежурства погибшего экипажа.

— Ох, ты ж...

— Угу. А за два часа перед обнаружением тел погибших на стационарном пикете были проверены несколько автомашин — в документах пикета есть эти записи. Несколько машин везли весьма интересные грузы.

— Ну, и что? Их постоянно досматривают.

— А то, что в телефоне Леселидзе есть СМС с номером одной из проверенных автомашин. Но ведь они к данному посту отношения не имеют!

— Откуда пришло СМС?

— «Левый» номер. Оформлен на подставное лицо. Причём несколько номеров, зарегистрированных на него же, используются окружением постпреда.

Валяев выматерился.

— Иными словами, господин подполковник, копать глубже нам не дадут. Даже машину, чей номер был в СМС, отыскать не разрешили. Мне тонко намекнули о нежелательности таких действий. Мол, сам понимаешь, последствия могут быть... всякими.

— То есть, если я тебя правильно понял, наш экипаж причастен к исчезновениям?

— Почти наверняка. И погибшие работали в тесной связке. Более того, пропавшие машины, в основном принадлежали компаниям, чья деятельность была уж слишком независимой. Сами понимаете, от кого...

— Выходит — всяк?

— Он самый. Другого варианта не вижу. Впрочем, основное решение — за вами.

— Да... обрадовал ты меня...

— Это, Олег Петрович, вы ещё всего остального не знаете...

Подполковник понял, о чём идет речь. Он не был новичком в своём деле или партийным выдвиженцем — таких много сейчас появилось в полиции. «Демократия»... мать бы её... И хотя до выборов шерифов (что, в принципе, было бы не так уж и плохо...) пока не дошло, партийные назначенцы в органах уже появились. Разумеется, это были члены выигравшей выборы партии — как же иначе? Их не называли по старинке — комиссарами, такие люди назначались обычно ответственными по связям с общественностью. Формально они не имели права вмешиваться в оперативную работу. Всё так, но те из начальников, которые послали подальше навязчивых «представителей» очень быстро вдруг поняли, что власть отчего-то более не склонна рассматривать нужды местных органов полиции. С одной стороны — за полицией теперь был установлен

жесткий контроль. С другой же... как выяснилось, он распространялся только на отдельные аспекты деятельности МВД. До всего прочего у «представителей» просто не доходили руки. Или они делали это сознательно?

Во всяком случае, проявлять излишнее рвение при расследовании некоторых категорий уголовных дел стало небезопасно. Слишком ретивые следователи и оперативники внезапно оказывались недобросовестными работниками или, хуже того, сами каким-то образом замешаны во всяких неблагоприятных (в основном — коррупционного свойства) проступках. Неведомо откуда взявшиеся аудиозаписи, пылающие негодованием свидетели (которых ни до, ни после этого никто более не встречал) — и неразумного полицейского с позором выпирали на пенсию. И это — в лучшем случае. А частенько бывали и худшие...

Нельзя сказать, что система восприняла такой подвох безропотно. Находились упертые опера, любой ценой доводившие до суда тяжелые дела. Но суд... он тоже не всегда был одинаковым.

Нет, встречались ещё и неподкупные судьи, безжалостно отправлявшие за решетку «трудолюбивого» кормильца (промышлявшего всякими незаконными штуками). Отчего-то бесполезными оказывались пылкие речи адвокатов и стенания «общественных» защитников. В конечном итоге угрюмый душегуб огребал немалый срок.

Но вот в «хозяйственных» делах... там все обстояло иначе. Валяев и не помнил таких случаев, чтобы иностранная компания, проиграв дело, добровольно возмещала бы ущерб. Она тотчас закрывалась, и на её месте мгновенно появлялась новая — порою даже с теми же самыми людьми во главе. А все поручения, отосланные в суды по месту жительства — так и исчезали бесследно. Денег так никто и не дождался...

Подполковник видел — дело потихоньку шло к тому, что скоро у руля управления страной, уже не скрываясь, встанут люди из-за рубежа. Обладая неплохими аналити-

ческими способностями, он понимал и то, что всевозможные препоны, сами собою возникавшие на пути новоявленных «менеджеров», появлялись тоже не просто так. Что-то копилось в воздухе, зрело... пока никак себя не проявляя.

Неспроста же зашевелились «представители» — в их действиях появилась нервозность и неуверенность. Что-то пошло не совсем так... Где-то наверху ошиблись. Совершенно осатанели всевозможные телеговоруны — складывалось впечатление, что все они давно подсади на наркоту — нельзя же говорить по десять и более часов в сутки! Но они как-то исхитрились.

Резко подняла голову и обыкновенная гопота — у них появились мощные покровители. В лице некоторых политиков — как отечественных (что ещё как-то можно было терпеть и с кем возможно хоть немного работать), так и иностранных. А вот с ними Валяев (да и не только он!) почти ничего поделать не мог...

Уличный грабитель с иностранным паспортом! Уже реальность... и посольские адвокаты, по первому крику задержанного приезжавшие в участок — тоже стали такой реальностью очень быстро. Зачем это им нужно?

Подполковник видел только одну причину — в стране нагнеталась обстановка, а руки у полиции связывались намеренно. Другого объяснения у него не имелось.

И многие события, произошедшие в последнее время, — однозначно все это подтверждали...

— Заезжай! — Михалыч приоткрывает передо мною широкую калитку в кирпичном заборе. — Ну, ты и нагрузился — чисто коробейник какой!

В самом деле, видок у меня был ещё тот... Водилы, после того как дострелили обоих «оборотней» (молодой не смог долбануть клиента монтировкой, стрельнул-то и то через пень-колоду, пришлось повторять...) вытащили из своих запасов инструментальный ящик, который кое-как совместными усилиями присобачили на скутер. В него

я убрал трофейные дробовик и автомат, которые осторожно вытащил из салона автомобиля, стараясь не попадать в поле зрения глазка видеорегистратора. Побросал туда и радиостанции, заодно со всем боезапасом к оружию. К бандитскому обрезу, который достался дальнобойщикам, патроны не подходили — калибр не тот. У полицейских — двенадцатый, а убитый бандюган шастал с шестнадцатым. Оно и понятно — отдача не столь высока. Прибрал я и два бронежилета — они валялись на заднем сиденье.

— Всё бы тебе ворчать... помог бы лучше!

— Да ладно тебе... давай, разгружай свой хабар.

Через несколько минут, разглядывая мои трофеи, хозяин дома только языком прищелкивал.

— Ну, ты, даёшь! Чисто мафиози какой-то... Кина американского насмотрелся?

В двух словах поясняю ему произошедшее. Михалыч хмурится и покачивает головой.

— Н-н-да... Слыхивал я про такие вещи. Однако ж обнаглели совсем — прямо под Москвой такие делишки проворачивать!

— О том и спич! Уж не думаю я, что грузовик этот куда-то далеко отгонять бы стали. Здесь где-то их база. Полицейские ведь его за пределы своего участка патрулирования не повели бы — у них треккер в машине стоит. А один этот бандюган не поехал бы.

— И так возможно. Только не наше это дело — жуликов таких ловить. На то полиция есть — пусть пашут!

— Угу... особенно в этом случае.

— Да уж... — соглашается со мною хозяин дома. — Ладно... себе что оставишь?

— Пистолеты — машинки знакомые. Патронов подбросишь?

— Пороюсь в загашниках. Что-нибудь найдём.

— Ну, а всё прочее — занькай. Мало ли что...

По узкой дорожке идём к дому. С Олегом Петряевым я знаком уже лет пятнадцать — служили вместе. После

серьёзной контузии (их бронетранспортер подорвался на mine) его списали подчистую, и отставной капитан поселился на даче под Дмитровом. Умом его всевышний не обидел, и вчерашний спецназовец развернулся в полную силу. Занялся бизнесом — у него неплохо получалось. Настолько, что всевозможные «джентльмены удачи» быстро обратили на него внимание. И сделали предложение — с их точки зрения, вполне естественное и правильное. Капитан намеков не понял — и ему сожгли автомашину. Почесав в затылке, он пересел на мотоцикл. А через недельку заполыхали жаркими кострами сразу несколько шикарных тачек, принадлежавших его обидчикам. К Михальчу никаких претензий предъявить было невозможно — его и в городе-то не было. Уехал по делам в Ростов.

Но бандюки тоже были не полными недоумками. Сопоставив некоторые факты, они заявили к нему на дачу. Аж впятером.

Тщетно прождав возвращения своих посланцев, местный главарь «джентльменов» сообразил — что-то не так... И вызвал Олега на нейтральную территорию — поговорить.

Тот ломаться не стал и согласился.

Местом встречи был назначен небольшой, но очень уютный ресторанчик недалеко от города. Бандюки прикатили туда заранее, осмотрели дом и прилегающую местность. Ничего подозрительного не нашли и успокоились. Их главарь уселся за столиком на летней веранде, а его охранники (шесть человек) рассредоточились вокруг, бдительно (ну, это они так думали...) контролируя окрестности.

Петряев подъехал вовремя, припарковал свой невзрачный автомобиль около шикарного «шестисотого» и поднялся на веранду.

— Садись! — широким жестом показал ему на стул напротив бандюган.

— Благодарствую.

- Выпьешь?
- Завязал.
- Даже и за знакомство?
- Маликов Виктор Петрович, 1975 года рождения, неоднократно судимый. Временно неработающий. Да, тут много ещё чего написано... — Петряев положил на стол несколько листов бумаги. — Я так думаю, что и вы про меня тоже уже много чего понакопать успели...
- Правильно думаешь. А отчего ершистый такой?
- Жизнь против шерсти гладила — вот и оцетинился.
- Угу... Стало быть, дружить не хочешь?
- На ваших условиях — нет, не хочу.
- Есть другие?
- А как же! Чаёк допиваем — и мирно расходимся. Опосля чего дружно забываем друг про друга. Нет меня для вас — и вас никого для меня не существует.
- Эк! Не бывает так, дорогой! Либо ты в общем строю стоишь — либо...
- Я и стою. Только — в другом.
- Это в каком же?
- Так я его и не покидал никогда. Присказку слышал — бывшего спецназа не существует?
- Не пришлось.
- Считай — услышал.
- Бандюган побарабанил пальцами по столу.
- Что-то загибаешь... не было такого раньше, я бы знал.
- А не один ты умный! Думаешь, прочим твоим товарищам легко было во всеуслышание о подобных вещах говорить? Так сказать — «терять лицо». Рядом молодые да зубастые — им только слабину покажи!
- Машины — твоя работа?
- А мой автомобиль от чего сгорел?
- Я те доктор? Механик какой или слесарь? Откуда мне знать?
- Ну, и я в автосервисе не работаю — что там и у кого замкнуло, не ведаю.

— Борзеешь?! — приподнялся в кресле главарь. — Смотри... откуда ещё уйти надобно!

— Мне?

— Ну не мне же?!

— Экий ты дядя... пошли своих кого-нибудь к моей машине.

— За каким хреном?

— Пусть в багажник заглянет — я ключи дам. От багажника — не от зажигания, а то станет с них... Решат покататься...

Бандюган лениво пошевелил в воздухе пальцами — к столу подскочил официант. Выслушал, поклонился и исчез. Через пару минут к столику подошел один из бандитов.

— Слушаю, шеф!

— Ты это... возьми у этого фраера ключи и в багажник к его машине загляни.

— Там кейс лежит — тащи его сюда! — вставил реплику капитан.

— Только посмотри, что он туда понапихал! — предостерегающе поднял палец главарь.

— Есть шеф! — кивнул бандит.

Отсутствовал он недолго и вскоре уже вернулся назад. В его руке виднелся небольшой кожаный кейс.

— Ну? — вопросительно поднял бровь Маликов.

— Бабло тут. Несколько пачек. И вино — в бумажных пакетах, вроде как молоко...

— Проверял?

— Булькает...

— Ладно, давай его сюда. А в багажнике что?

— Такое же вино, только в картонных коробках. Я одной стенку разодрал — оно самое.

— Небось, и с собой прихватил?

— Я порядок знаю, шеф! Да и пить такое... им только заборы красить!

— То-то же... Ладно, ступай пока...

Отщелкнув замки, главарь приподнял крышку. Действительно, среди прямоугольных картонных пакетов с вином виднелось несколько пачек тысячерублёвых купюр.

— Это как понимать? Поумнел всё-таки?

— И все-то мысли у вас в одну сторону... — соболезнующе вздохнул капитан, ставя на стол чашку с чаем. — Ты на деньги-то не пялься — не про вашу честь они.

— А на что ж тогда смотреть?

— Это для быков твоих. Для отвода глаз. Они, как деньги увидят — все, в башке переклин. Больше ни на что и не глядят. Вино такое пробовал когда?

— Нет. Дешевка это — только бомжей и поить!

— Угу. Или для таких вот случаев...

Бандит нахмурился.

— Это ты *мне* такое выпить предлагаешь?!

— Успокойся. Нет желания — не пей. Это даже лучше будет. Не вино это — взрывчатка. Только жидкая — слыхивал про такую?

— Звездишь!

— Проверь. Я никуда не спешу. В стенках кейса — приемник и детонаторы. А передатчик — поблизости, с ним специальный человек (это он меня имел в виду) сидит. Видит нас и слышит — у меня с собою микрофон. Ещё один приемник — в машине. Там такого «вина» около трехсот килограммов. Как думаешь, ежели ли всё это бабахнет... трудно ли будет опосля того здесь ресторан заново построить? Я вот отчего-то думаю, что не очень — основной мусор взрывом снесет.

Маликов облизнул пересохшие губы.

— Блефуешь, капитан! Тут народу полно — непричастные они! Спецназ так не поступает!

— Ишь, ты?! Грамотный какой! Спецназ, дядя, повсякому поступает, когда нужно! Да и нет тут непричастных. Ресторан твоему племяншу принадлежит — стало быть, родня здесь твоя. Как мыслишь, долго ли они тут усидят, когда тебя не станет? Враз их отсель выпрут, только зубы

лязгнут! У вас законы волчьи — старых заслуг, да ещё чужих — не чтут! Припомнят ему всё — и как отсюда вы дагов наладили да скольких из них в овраге перед тем прикопали... много чего нарыть можно, если захотеть. Так что я, некоторым образом, твою родню даже облагодетельствую — не будут перед смертью мучиться.

— Хм... благодетель...

— С волками жить... — пожал плечами Олег. — И вот что — полицаев своих купленных от моего дома убери! Уж и не знаю, что такое они с собой на этот раз притащили — патроны или гранату... но хрен им чего обломится! Меня-то, может, и посадят — так тебя похоронят! Усек, родной?!

— Врешь...

— Они в машине за поворотом сидят, «опель» у них — синенький такой, — хмыкнул капитан. Вытащил из кармана телефон, набрал номер. — Миха? Как там гости?

Микрофон передавал звук очень четко, а в оптику я хорошо мог рассмотреть и обстановку на веранде. Так что эффект присутствия при разговоре был очень сильным, почти полным.

— Сидят... Двери приоткрыли — жарко им. А что? Валишь? — прозвучал ответ невидимого собеседника.

— Ежели не договоримся — вали. Машину отгонишь к дому смотрящего — там и бросай. Ствол через забор ему закинь и в полицию брякни. Пока — слушай, о чем разговор пойдёт.

— Добро, — соглашается собеседник.

— Вот так, дядя! — поворачивается к главарю Олег, положив на стол включенный телефон. — Уловил теперь, что с нами шутить — проще уж самому удавиться? Так-то хоть один помрешь, других за собою не потащишь.

Наступила тишина. Маликов несколько минут молчал, раздумывая. Покосился на телефон. На том конце посвистывал невидимый собеседник. Было слышно, как он там возится, меняя положение. По-видимому, у него была включена громкая связь — звуки доносились очень четко.

- Чего тебе надо? — наконец, выдал из себя главарь.
- Я сказал уже — расходимся мы. Вроде как и не было ничего. Как ты там, перед своими, все объяснишь — не моё дело. Мешать тебе не стану и в дела твои лезть не буду. Но и ты к нам не суйся — огрызнёмся!
- К вам? Ты тут не один такой?
- И не только здесь. Не парься — случись что, я тебе заранее подскажу, куда лезть не нужно. Дольше проживёшь — цени!
- Оценил уж... Век бы тебя не видеть!
- Так не я к тебе и пришёл — вы сами ко мне постучались!
- Лады... замнем, для ясности. Но... смотри, дорогой — земля круглая!
- И век недолгий. Учту.

С той поры прошло уже несколько лет. Олег окреп, встал на ноги. Олигархом не стал, но человеком — остался.

Вот и сейчас, он совершенно по-простецки присел на краешек широкой деревянной лавки, стоявшей около такого же деревянного стола, и кивнул мне, предлагая устроиться рядом.

— Чего вызывал? — спрашиваю я. — Проблемы?

А вот метод оповещения у нас с ним (да и не только с ним...) отработан на ять! Нет ничего удивительного (по крайней мере — для управления «Э») в том, что отставные военные режутся в компьютерные стрелялки. В том числе — и по сети. Это нормально — так громадная часть населения делает. К их услугам — навороченные сайты и целые океаны виртуальной реальности. Причем реклама назойливо внушает, что именно на таких тактических тренажерах отрабатывают действия настоящие спецназовцы. Ну... как сказать... где-то, может, так и поступают. Только не слишком долго. Потом поясню, отчего...

Но на многих — действует. Народ самозабвенно рубится по сети с неведомыми «террористами»... Отчего-то они

все на экране поголовно вооружены калашами, причем наиболее устаревшими образцами. Зато — хорошо узнаваемыми.

Вот и сидим мы на разных форумах, обмениваясь вполне себе серьёзной информацией. Причём маскируем её под взаимные «игровые» разборки.... Сам черт ногу сломит...

Зато можем создавать и планировать самые головоломные комбинации и разрабатывать самые заковыристые операции — хоть Кремль штурмовать, хоть Белый дом. Там ещё и не такие навороты встречаются... Вот и переписываемся почти открыто: чтобы перелопатить такой массив информации — надо батальон спецов за компы посадить! Да и у тех скоро крыша съедет...

— Видишь ли, Миха... — Олег потер рукой висок. — Даже и не знаю, как тебе сказать... Ты ведь в курсе, что я ещё и на коллекционных форумах сижу?

— Ну, да. Знаю. И что?

— У меня там репутация сложилась — мол, чокнутый богач такой... стариной интересуется. Всякие военные редкости скупает, форму и прочее... Словом, вышел на меня один хмырь. Из американского посольства, между прочим. Я ему продал кое-что... Слово за слово — так и завязалась переписка. Уже года два вот так пишем друг другу. Даже встречались пару раз. А тут он написал, мол, прощаемся, господин хороший — переводят меня аж в Карачи! Ну, я вежливо ему посочувствовал, сожалею, пишу, что не встретимся более. Джейк в ответ — хочу напоследок сделать вам одно предложение как коллекционеру. Редкое и интересное, вы его оцените. Интерес меня взял — что ж такое он предложить может?

— Должно быть, редкую какую вещь? Мало ли что он там привезти мог?

— Так я и подумал. Написал ему, что, конечно, это интересно — только мне больше интересна отечественная военная история, за границей интересуюсь в последнюю очередь. А что такого, мистер Джейк, вы можете мне в моей